Костя Пластилинов
Тайны забытого оракула
18+

Костя Пластилинов

Тайны забытого оракула

«Автор»
2025

Пластилинов К.

Тайны забытого оракула / К. Пластилинов — «Автор», 2025

В мире, где магия тайно вплетена в ткань повседневности, Москва живёт двойной жизнью. На поверхности — привычный мегаполис: студенты спешат на пары, в метро толпятся пассажиры, в кафе звучат заказы на кофе и бургеры. Но под этим слоем скрывается тайный магический мир — со своими законами, родовыми кланами и смертельными играми.

© Пластилинов К., 2025
© Автор, 2025

Содержание

глава 1: Последний Оракул. 5
глава 2: Две стороны одной монеты. 24
глава 3: Мастер теней. 41
глава 4: Экзамены на выживание. 59
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Костя Пластилинов
Тайны забытого оракула

глава 1: Последний Оракул.

За полвека не явился в мир ни единый оракул – словно сама судьба замкнула врата, откуда некогда изливалась древняя сила. Артемиусу исполнилось девяносто четыре года, и с каждым днём его бремя становилось всё тяжелее. Он оставался последним, и оттого значимость его была безмерна: он походил на редкий камень, вправленный в корону тьмы, на единственный лист, трепещущий на древе, уже обречённом на гибель.

В его роду издревле хранился нерушимый завет: к девяностопятому году жизни оракул обязан отыскать себе спутника жизни.

Его собственная жизнь угаснет вместе с даром на закате девятого десятка четырех лет. Так гласили свитки предков, так шептали тени минувших провидцев – все прежние оракулы перешагивали этот порог, выходя замуж или женясь, и еще ни один из них не шел против устоявшейся системы.

Но годы текли, а Артемиус всё ещё оставался одинок в своём служении. В его сердце не пробудилась любовь, не зажглась искра доверия к кому-либо из живущих. Все помыслы поглощало древнее искусство пророчеств, все чувства растворялись в потоке видений. Он знал: время неумолимо, и каждый рассвет приближает его к роковой черте, но Артемиус чувствовал: что-то другое ожидает его.

В часы уединения, когда ночь окутывала землю чёрным покрывалом, Артемиус раскрывал чёрные свитки – ветхие, словно сотканные из самой тьмы. Страницы их дышали холодом забытых времён и являли ему видения, от которых кровь стыла в жилах.

Он видел фигуры в плащах из паучьего шёлка – не людей и не духов, но нечто среднее между ними. Они двигались бесшумно, ткали сети из сгустившихся теней, подобно паукам, плетущим смертоносные узоры во тьме. Каждый узел их паутины таил погибель, каждый виток был пропитан злобой, древней, как мир.

Видел он и знаки, выжженные на коже пленённых оракулов. Они пылали багровым светом, словно печати проклятия, оставленные когтями адского демона. В этих знаках читалась боль, отчаяние, последний крик души, скованной незримыми цепями.

А ещё являлся ему древний алтарь – место, где время остановилось. В его центре стояла каменная статуя с пустыми глазницами, из которых медленно, с шипением, струилась ртуть. Она извивалась, подобно змее, пробуждающейся от векового сна, и каждый её изгиб словно шептал: «Близится час».

Артемиус взирал на эти видения, и сердце его сжималось, но не от страха – от холодной, неколебимой решимости. Она крепла в нём, подобно лезвию клинка, закалённого в пламени геенны, и становилась всё острее с каждым новым откровением.

«Захочет он изъять дар мой», – размышлял он, и мысли его были тверды, как кремень. – «Но не дам ему даже тени шанса. Как не даёт путник тени чудовищу, преследующему его во мраке ночной пучины, так и я не уступлю ни пяди своей силы. Мой дар – не его добыча».

И едва эта мысль окончательно укрепилась в душе Артемиуса, вокруг него заклубились вихри древних знаков. Они возникали из воздуха, сплетаясь в узоры, неведомые простым смертным, и наполняли пространство шёпотом предков. Голос, древний, как само время, прозвучал в его сознании: «Держи щит, час испытаний близок. Найди того, кто разделит твою судьбу, пока не стало слишком поздно».

В те дни, когда великий град, подобный чудовищу из стекла и стали, пульсировал неоновыми жилами, а железные птицы-дроны чертили небесную твердь над остриями хрустальных башен, пятнадцатилетний Артемиус уже умел прятаться от мира. Его дар пробудился рано – в Тривинланде, среди ветхих доходных домов с зеркальными окнами, где шёпоты несбывшихся предсказаний витали в безветренной тишине.

Он находил прибежище в закоулках, забытых временем – там, где каменные стены, изъеденные веками, хранили шёпоты минувших дней. Спускался в подвалы домов, возведённых ещё до великого перелома, где воздух был густ от запаха сырости и старой древесины, а тени, казалось, обладали собственной волей. Уходил в рощи на окраинах – в те заповедные уголки Лесного Измайлово, где деревья росли в геометрических узорах, а дорожки меняли направление, словно играя с путником. Там ветер пел древние песни, а ветви сплетались в лица, помнящие времена, когда люди ещё говорили с духами.

В свои пятнадцать Артемиус уже знал многое из того, что скрывалось от глаз обычных людей. Он чувствовал, как древняя сила течёт в его венах, как пророческий дар просыпается с каждым новым видением. И он понимал: за ним следят. Незримые глаза наблюдали из сумрака переулков Китайгородского Лабиринта, где эхо повторяло фразы на чужих языках, а стены вибрировали от шагов. Тени там двигались не по воле ветра, но словно повинуясь чьему-то зловещему замыслу.

Каменные стражи – камеры, водружённые на столбах, – мигали в такт его шагам, будто отсчитывая каждый удар сердца. Даже голуби, сидевшие на карнизах Мистического Арбата, смотрели на него иначе – их зрачки, казалось, проникали в самую душу, выхватывая тайные мысли.

Но он не дрогнул. В его жилах текла кровь оракулов, и он помнил заветы предков: истинный провидец учится не только видеть то, что скрыто от глаз прочих, но и быть невидимым для тех, кто жаждет его поглотить. Он умел сливаться с тенями, растворяться в шуме города, становиться частью того безмолвного хора, что пел в трещинах старого мира.

В этом противоречивом мире, где неоновые огни соседствовали с древними тайнами, юный Артемиус уже был мостом между эпохами. Он знал: пока он хранит молчание, пока его шаги остаются неслышными, пока его тень не отбрасывает света – он остаётся свободным. Но он также знал: однажды его тайна будет раскрыта, и тогда начнётся охота. А пока… пока он продолжал идти, растворяясь в сумраке, как призрак, как эхо забытой молитвы, как первый шаг к судьбе, которая только начинала формироваться.

В сокровенном убежище, в крепости в Тайном Чертолье, где время словно застыло в вековой пыли, а стены испещрены хаотичными граффити – следами мимолётных душ современного мира, двадцатипятилетний Артемиус обретал свою силу. Его молодость уже была отмечена печатью древних знаний, а в глазах читалась мудрость, не свойственная его годам.

Здесь, среди кирпичей, хранящих незримую память веков, в их грубой кладке, будто в каменных жилах, мерцали вкрапления древних письмён – безмолвных свидетелей минувших эпох. В этом забытом уголке, куда не проникал гул мегаполиса и не достигали щупальца цифрового века, он вершил свои первые серьёзные обряды.

Артемиус расстилал на холодном каменном полу чёрный бархат, подобный крылу ночного хищника, и устанавливал три свечи, отлитые из пчелиного воска. Эти свечи он приобрёл у древней старухи-травницы на Кровавой Набережной – их пламя несло в себе отголоски забытых ритуалов, а трепетные огоньки словно пульсировали в такт его молодому сердцу.

Когда огни вспыхивали, озаряя древние стены причудливыми тенями, Артемиус погружался в транс. Его сознание, освободившись от оков обыденности, простиралось в иные измерения. Из сумрака, словно рыбы, всплывающие из тёмной бездны, возникали свитки – алые,

как застывшая кровь, и чёрные, подобные ночи без звёзд. Они парили в воздухе, шелестя пергаментными крыльями, и несли в себе послания, зашифрованные в витиеватых символах.

Молодой оракул напрягал волю, отделяя голос предков – глуховатый, но мудрый – от вкрадчивого шёпота преследователя. Каждое начертанное слово, каждый изгиб знака несли весть о грядущих бедах или забытых тайнах. Он впитывал эти послания, как иссохшая земля впитывает дождь, и в каждом символе видел ключи к пониманию мироустройства.

В свои двадцать пять Артемиус уже понимал: знания, добытые в этих ночных бдениях, станут его главным оружием. Они помогут ему устоять перед лицом тьмы, которая уже стягивала свои сети вокруг него, ожидая момента для решающего удара. И хотя годы впереди казались бесконечными, он знал – его судьба только начинается, и каждый ритуал приближает его к предназначению.

В роще в Лесном Измайлово, где вековые дубы стояли, словно немые стражи минувших эпох, помнившие ещё времена стрельцов и бояр, тридцатипятилетний Артемиус, уже опытный в таинствах древних обрядов, приступил к совершению важного ритуала. Его руки, закалённые годами практики, двигались уверенно, а взгляд был исполнен мудрости, накопленной за годы служения древнему искусству.

Ветви деревьев, раскинувшиеся подобно дланям древних хранителей, отбрасывали на землю причудливые тени, а воздух здесь был густым от запаха прелой листвы и вековой тишины. Артемиус чувствовал, как энергия места наполняет его, как древние силы откликаются на его присутствие.

С благоговением, присущим лишь посвящённым в сокровенные тайны, он начал чертить на почве своей кровью круг. Каждое движение его руки было выверено, каждое прикосновение к земле – исполнено глубокого смысла. В круг он вписал семь трав – семь ключей к потаённым вратам, соединяющим мир живых с миром духов.

Ромашка, горькая, словно сама истина; зверобой, стойкий, как воин в битве; чертополох, колючий, будто правда, ранящая сердца; мята, свежая, как дыхание ночной прохлады; тысячелистник, целительный, подобный робкой надежде; вереск, нежный, словно шёпот забытых молитв; и красный мак – таинственный, как сама судьба, что плетёт нити человеческих жизней.

В свои тридцать пять Артемиус уже знал: каждая из этих трав несёт в себе особую силу, каждая связана с определённой гранью мироздания. Он чувствовал, как с каждым движением его связь с древними силами становится крепче, как его дар раскрывается всё полнее, готовясь к новым испытаниям, которые ждут впереди.

Закончив приготовления, он замер в центре круга, ощущая, как энергия места и трав наполняет его, готовя к тому, что должно было произойти. В этот момент он был не просто оракулом – он был мостом между мирами, хранителем древних тайн и проводником грядущих перемен.

Аромат трав, смешиваясь с вечерним воздухом, создавал дурманящий эликсир. Мир вокруг начал размываться по краям, границы реальности истончались, и завеса между мирами становилась всё прозрачнее. Артемиус ощущал, как дремавшие в недрах земли силы пробуждаются, отзываясь на зов его воли. Они струились по его венам, наполняя душу трепетом и одновременно – непоколебимой решимостью.

В центре начертанного круга он возжёг костёр – не простой, но исполненный тайного смысла. Секрет заключался в составе: соль, хранящая память о пролитых слезах; пепел ушедших дней, в котором застыли отголоски минувших жизней; капля вина, вобравшая в себя силу виноградных лоз, росших под южным солнцем. Пламя поднялось ровное, почти недвижимое, словно застывшее в мгновении вечности. Оно не трепетало, не металось, но горело ровным светом, открывая врата в иные измерения.

В глубинах синего огня, подобно призракам, поднимающимся из бездны, начали проступать образы. Артемиус видел, как его предшественники падали на колени перед ртутным алтарём, но не умирали – их бессмертные тела сопротивлялись смерти. Они кричали от боли, но не могли испустить последний вздох. Только одно могло сломить их вечную сущность – древнее зелье сна, рецепт которого хранился в самых тёмных уголках запретных библиотек.

Он видел, как оракулов погружали в вязкий туман этого зелья, как их бессмертные души теряли способность сопротивляться. Их глаза затуманивались, а голоса, обычно пророчествующие будущее, умолкали навсегда. Знаки оракулов на их коже пылали ярче обычного, словно пытаясь удержать ускользающую жизнь, но даже они не могли противостоять силе этого древнего яда.

Ртутный алтарь, поглощавший души, теперь казался не просто колодцем – он стал порталом в мир вечного забвения, куда уводили бессмертные души тех, кто познал вкус зелья вечного сна. И в этом сне не было пробуждения, только вечная тишина и тьма, куда не доносились ни крики, ни мольбы.

Картины были жуткими, исполненными невыразимого ужаса. Но Артемиус не отворачивался – он вглядывался в них, впитывая каждую деталь, каждую линию, каждый оттенок тьмы. В этих видениях таилась не только память о павших, но и знание, способное стать его оружием. Он запоминал узоры выжженных знаков, движения теней, оттенки пламени – всё, что могло помочь ему распознать грядущую угрозу и найти путь к спасению. Он впитывал эти образы, как сухая земля впитывает живительную влагу, понимая: лишь обладание этой тайной позволит ему устоять в грядущей битве, лишь знание, добытое ценой чужих страданий, станет его щитом и мечом.

Когда последний образ растаял в пламени, Артемиус закрыл глаза и прошептал слова древней клятвы. Голос его звучал тихо, но твёрдо, проникая в самую суть мироздания. Ветер подхватил эти слова, унёс их вверх, в кроны вековых дубов, и роща ответила ему шёпотом листьев – шёпотом предков, одобряющих его решимость. В этом шёпоте слышались и предостережение, и обещание поддержки, и напоминание о том, что путь, на который он ступил, требует не только мужества, но и готовности заплатить любую цену.

Сорок лет – возраст, когда жизнь начинает обретать новые краски, а судьба готовит свои самые неожиданные повороты. Артемиус уже давно тайно служил оракулом в магической Москве, без одобрения Капитула, но никогда не чувствовал такой внутренней пустоты. Он проводил ритуал за ритуалом, но ответы, которые он получал, становились всё туманнее.

В тот вечер, когда луна светила особенно ярко, озаряя древний парк серебристым светом. Артемиус шёл по извилистым тропинкам Мистического Арбата, ведомый странным предчувствием. Внезапно он остановился – перед ним стоял старец в белоснежных одеждах, его седые волосы и борода сияли в лунном свете, словно серебро.

– Ну здравствуй, – голос старца звучал как эхо древних времён, проникая в самую глубину души Артемиуса. – Я ждал тебя.

Артемиус замер, чувствуя, как по спине пробегает дрожь. Что-то в этом человеке было не так – его глаза светились внутренним огнём, а вокруг фигуры вилось едва заметное сияние.

– Не узнал меня? – вопросил старец, протягивая руку. – Я хранитель древних знаний.

В руках старца появилась катана – её лезвие отражало лунный свет, словно зеркало. Артемиус почувствовал, как древняя сила клинка зовёт его.

– Эта катана – не просто оружие, – продолжал старец. – Она хранит в себе силу первых пророчеств, знания о вратах между мирами.

Артемиус протянул руку, и в тот момент, когда его пальцы коснулись тёплой рукояти, время словно остановилось. Клинок засветился мягким голубым светом, признавая нового владельца.

– Помни, – тихо произнёс старец, – сила оракула не только в пророчествах, но и в защите равновесия миров. Используй её мудро.

Когда старец исчез, растворившись в лунном свете, Артемиус остался один с катаной в руках. Только позже, изучая древние свитки Тривинланда, он узнал, что встретил самого первого оракула, Радомира, – того, кто положил начало их древнему роду. Но было уже поздно – момент встречи с предком был упущен навсегда.

Катана стала не просто оружием – она стала связующим звеном между прошлым и будущим, между первым оракулом и его потомком, хранителем древних тайн и новых пророчеств.

С высоты ветхой крыши заброшенной ТЭЦ, чьи ржавые конструкции напоминали остов древнего исполина, открывался вид на бескрайнее море огней мегаполиса. Словно мириады светлячков, мерцали окна высоток, переливались неоновые ленты магистралей, а вдали, за пеленой городского сияния, таились тёмные пятна парков и заброшенных кварталов – островки тишины в этом царстве стали и стекла.

Артемиус стоял, окутанный ночным холодом, и вглядывался в причудливую игру света и тени. В его левой руке покоился кристалл лунного камня – сокровище, обретённое в пыльной глуши антикварной лавки в Мистическом Арбате. Камень хранил в себе отблески забытых лун, шёпот древних заклинаний и тайну, которую лишь посвящённый мог разгадать.

Приложив кристалл к правому глазу, Артемиус произнёс полушёпотом заветные слова – и тотчас перед его взором развернулась невиданная картина. На небесном своде, словно вышитая серебряной нитью, проступила карта двенадцати магических узлов Москвы. Невидимая обычному глазу сеть ожила, заиграла переливами призрачного света, раскрывая сокровенные тайны города.

Он видел места, где пересекались линии силы – пульсирующие, словно вены исполинского существа, спящего под толщами бетона и асфальта. В этих точках сама ткань реальности истончалась, позволяя чуждым сущностям просачиваться в наш мир. Видел он и врата между мирами – красные деревянные двери. Они предстали перед взором Артемиуса – древние, потрескавшиеся от времени, покрытые таинственными символами. Они казались хрупкими, словно могли рассыпаться от малейшего прикосновения, но в их потрескавшейся поверхности таилась невероятная сила.

А ещё были зоны, отмеченные чёрным пламенем, места древних Хранителей – ловушки из молчания, расставленные преследователями. Невидимые капканы для души, способные поглотить разум, стереть память, обратить живого человека в безвольную оболочку. Артемиус знал: один неверный шаг – и он станет их добычей.

В щелях между рассохшимися красными досками мелькали тени – искажённые силуэты 12 монстров, жаждущих вырваться в мир живых. Их когти скребли по дереву, а когтистые лапы пытались раздвинуть створки. Символы на поверхности дверей слабо светились, сдерживая натиск потусторонних тварей, но Артемиус чувствовал – ещё немного, и защита истончится, пропуская в мир то, что не должно было быть пробуждено.

И вдруг сквозь скрежет когтей и стон древних петель до него донеслись странные голоса. «Метод Гаусса», «двойной интеграл», «матрицы третьего порядка» – обрывки фраз, непонятные и чужеродные, словно язык давно исчезнувшей цивилизации. Где-то там, по ту сторону дверей, студенты решали системы уравнений, спорили о пределах и производных, а их голоса эхом отражались от красных досок.

«А что если ранг матрицы равен нулю?» – донёсся чей-то взволнованный голос. «При интегрировании по частям нужно правильно выбрать u и dv!» – ответил другой, более уверенный. Эти слова были для Артемиуса как древняя тарабарщина, но в них чувствовалась особая магия – магия будущего, где числа и формулы обладали силой, сравнимой с его магическими заклинаниями.

Он вслушивался в эти странные речи, пытаясь уловить смысл. В его мире магические символы сплетались в узоры силы, а здесь символы математики создавали свою собственную магию – магию вычислений и формул. Каждая трещинка в древесине хранила отголоски древних заклинаний, а петли дверей стонали под тяжестью веков и напора существ из иных измерений.

Казалось, что сами двери пульсируют в такт с биением сердца мироздания, удерживая равновесие между мирами – между его миром магии и миром будущего, где царили цифры и технологии, где высшая математика была такой же могущественной силой, как и древние заклинания.

Но он не дрогнул. Подобно лисе, идущей по краю пропасти, он учился обходить смертоносные сети. Всматривался в узоры переплетённых линий, запоминая каждую извилину, каждый изгиб. Шептал про себя координаты, вычерчивая в воображении тропы, по которым мог бы пройти, не потревожив спящих теней. В его сознании складывалась карта – не просто географическая, но магическая, хранящая ключи к выживанию в этом мире, где за блеском неона таятся древние ужасы.

Ветер, пробираясь сквозь ржавые балки, приносил с собой далёкие звуки города – гул машин, обрывки музыки, смех прохожих. Но Артемиус не слышал их. Он был поглощён созерцанием небесной карты, в которой каждая звезда, каждый мерцающий узел несли весть – то предостережение, то обещание, то угрозу. И в этом безмолвном диалоге с силами, превосходящими человеческое понимание, он черпал решимость идти дальше, зная: лишь владение этими тайными знаниями позволит ему устоять перед грядущей бурей.

В Тривинланде, меж вековых лип и заросших мхом скамеек, нередко можно было увидеть одинокую фигуру Артемиуса. Несмотря на свои пятьдесят пять лет, он выглядел как тридцатилетний юноша – бессмертный хранитель древних тайн, чья внешность застыла во времени. Лишь мудрость в глазах выдавала его истинный возраст.

Он садился, закрывал глаза и погружался в безмолвный диалог с миром, прорезая шум городской суеты, словно нож – плотную ткань. Сквозь рёв мчащихся экипажей, сквозь крики юнцов, забавляющихся у фонтанов, сквозь назойливую музыку, льющуюся из трактиров, он вычленял иной звук – древний, как само время: шелест пергамента, стоны забытых слов, шёпот истлевших свитков.

Красные свитки, подобно кровавым отблескам заката, являли ему грядущее. Они раскрывали картины бед и скорбей, что таились за обыденностью дней. Видел он, как человек в богатом кафтане спотыкается на перекрёстке Черносолнцева, и судьба его обрывается под копытами несущегося коня. Видел, как дева в наушниках, погружённая в грёзы, не замечает приближающейся грохочущей повозки у Мистического Арбата – и миг спустя остаётся лишь тень на мостовой. Видел и иное: как двое друзей, связанных клятвой братства, превращаются в смертельных врагов из-за слова, брошенного в пылу гнева на Рыжем Южном Тракте, – слово, лёгкое, как пух, но тяжкое, как молот, разбивающий сердца.

Чёрные свитки шептали ему о прошлом – о тайнах, погребённых в душах прохожих, о грехах, что жгли изнутри, о молитвах, так и не произнесённых вслух. Он слышал, как женщина в тёмном плаще скрывает слёзы у Набережной Звёздного Тумана, вспоминая брошенного в младенчестве ребёнка, и как сердце её разрывается от вины, не находящей исхода. Слыл, как старик, сгорбившийся под грузом лет, проклинает себя за давний обман в Теньтильщиках, за ложь, что отравила жизнь не только ему, но и тем, кто верил ему. Слыл и иное: как юноша, стоящий на пороге зрелости в Новом Светополотинске, мечтает о признании, о славе, о месте под солнцем, но страх сковывает его, не давая сделать первый шаг, превращая мечты в тихую печаль.

Артемиус тренировал дух, дабы не поддаваться порыву. Не спасать тех, кто не просил о помощи, не карать тех, чья вина ещё не обрела облика. Ибо оракул – не судья, не мститель, не благодетель. Он – зеркало, в коем отражается мир во всей его противоречивой полноте. Он лишь видит, лишь слышит, лишь знает – но не вмешивается, ибо вмешательство нарушило бы равновесие, а нарушение равновесия ведёт к хаосу.

Он сидел, погружённый в созерцание, а вокруг него текла жизнь – шумная, суетная, слепая. Но в его сознании разворачивалась иная реальность: мир, где прошлое и будущее сплетались в единый узор, где каждый шаг человека оставлял след в ткани бытия, а каждый вздох отзывался эхом в вечности. И в этом созерцании он находил силу – силу не изменять мир, но понимать его, силу не судить, но видеть, силу не спасать, но помнить.

Лишь одно тревожило его бессмертную душу – древнее знание о зелье сна, способном прервать его существование. Это знание служило напоминанием о том, что даже бессмертие имеет свои уязвимости, и он должен оставаться бдительным, храня свой дар и свою жизнь.

Зная, что за ним наблюдают янтарные очи, семидесятилетний Артемиус (чья внешность всё так же сохраняла черты тридцатилетнего юноши) намеренно выбирал места, где глаза технологий не дремали: лавочку у метро, кафе с панорамными окнами. Бессмертный, но уязвимый лишь перед зельем сна, он понимал – его дар делает его мишенью.

Он садился, закрывал глаза и представлял, как его аура становится зеркальной. За семьдесят лет практики эта способность достигла совершенства. Он ощущал, как взгляд единственного наблюдателя спотыкается о его защиту, как его мысли запутываются, словно мухи в паутине. Иногда он чувствовал лёгкий укол тревоги – кто-то пытался пробиться сквозь его щит, но отступал, наткнувшись на холодную решимость, закалённую веками.

Это было испытание на стойкость. Не поддаться панике, не показать слабость, не выдать место силы. Он дышал ровно, представляя, как зеркало его духа отражает страхи тех, кто хотел его сломить. Его бессмертие давало преимущество, но также накладывало тяжкое бремя ответственности.

Артемиус, обладая зрением, дарованным лишь посвящённым, примечал то, что для обыденного взора являлось не более чем случайными совпадениями. Но для него эти знаки складывались в узор – тревожный, многозначительный, предвещающий нечто неизречённое.

Нередко случалось ему встречать одного и того же странника – в плаще, сотканном из материи, что перетекала оттенками, словно ртуть под лунным светом. То являлся он у врат древней библиотеки, то возникал средь шумного торга на рынке. Лицо его оставалось размытым, будто сама реальность отказывалась запечатлеть его черты.

Артемиус вглядывался в неясный силуэт, и холодок пробегал по спине: в этом страннике не было ничего человеческого. Не движения, не дыхания, не биения сердца – лишь тихий шелест ткани, напоминающий шёпот песка в пустых часах.

Постепенно до него дошло: это не просто вестник. Это сама Смерть – не в образе костлявой старухи с косой, как изображали её в детских сказках, но в обличье вечного странника, чья тень скользит по граням миров. Она не торопилась, не угрожала – она наблюдала.

Каждый раз, когда он встречал её, время вокруг будто замедлялось. Звуки города гасли, а воздух становился густым, как вода. В эти мгновения Артемиус чувствовал, как нити его судьбы дрожат под невидимыми пальцами. Она не произносила слов, но её присутствие было посланием: срок приближается.

Он знал: Смерть не приходит без причины. Её появление – знак, предупреждение, намёк на то, что баланс нарушен. Возможно, она ждала, когда он наконец найдёт преемника. Или же – когда примет неизбежное.

Но Артемиус не отводил взгляда. Он, видевший столько смертей через свои видения, теперь смотрел в лицо самой Смерти – и не дрогнул. Ибо оракул, познавший тайны мироздания, знает: даже она – лишь часть великого узора.

А иной раз приходили к нему послания – не словами, но знаками. На скрижалях его устройства, подобного магическому зеркалу, вспыхивали древние символы, начертанные будто бы кровью времён. Они не несли явного смысла, но от них веяло холодом забытых ритуалов. Артемиус вглядывался в эти письмена, пытаясь уловить их шёпот, но они ускользали, оставляя лишь тревогу в душе.

Порой же реальность давала трещины, и сквозь них проглядывало нечто чуждое. В глади зеркала, что висело в его келье, иногда возникало лицо – с янтарными глазами, без выражения, но исполненное пристального внимания. Оно не двигалось, не улыбалось, не угрожало – лишь смотрело, словно изучая его, проникая в самые сокровенные уголки души. Артемиус знал: это не игра воображения. Это – взгляд из-за завесы, предупреждение о том, что некие силы уже обратили на него своё холодное внимание.

И с каждым таким знаком его решимость крепла. Бессмертие накладывало особую ответственность – он должен был сохранить свой дар, защитить его от тех, кто жаждал его уничтожить, особенно от тех, кто знал о существовании смертоносного зелья сна.

Однажды, после посещения крепости в Тайном Чертолье – того самого убежища, где он вершил тайные обряды, – Артемиус обнаружил пропажу. Кристалл лунного камня, его верный помощник в прозрениях, исчез. Он обыскал всё, но тщетно: камень словно растворился в воздухе. Однако на следующий день кристалл лежал на пороге его жилища – холодный, мерцающий, но странный. По его граням медленно стекали капли ртути, шипящие, как змеи, пробудившиеся от векового сна. Они оставляли на камне тёмные разводы, будто следы чьих-то прикосновений из мира, где законы материи иные, где реальность течёт, как вода, а время – лишь иллюзия.

Артемиус поднял кристалл, ощутив, как по пальцам пробежал ледяной ток. Он понимал: это не просто возвращение утраченного. Это – знак. Кто-то или что-то напоминало ему: ничто не исчезает бесследно, и даже в самом сердце тьмы есть глаза, следящие за каждым его шагом.

Однажды, стоя на крыше ТЭЦ, восьмидесятилетний Артемиус посмотрел на город. Огни мегаполиса мерцали, дроны прочерчивали небо, люди спешили по своим делам, не подозревая, что рядом с ними течёт иная река – река магии, тайн и древних сил.

«Он думает, что охотится на меня, – прошептал Радомиров, и ветер унёс его слова в ночь. – Но я не так-то прост. Я дам отпор любому из мира магии, кто встанет у меня на пути. И если он хочет забрать мой дар, ему придётся сначала разгадать меня. А для этого нужно стать таким же, как я: одиноким, проклятым, но свободным».

Он знал, что дни его свободы сочтены. Капитул, находящийся на Кровавой Набережной, уже готовил клетку для последнего оракула, и скоро его запрут там, откуда нет выхода. Единственный шанс сохранить свою силу и свободу – принять вызов и вступить в игры на выживание.

Артемиус поднял руку. Из его ладони вырвался вихрь красных и чёрных свитков, закруживший над Москвой, словно стая птиц, готовых к перелёту. В этом вихре он увидел первый знак будущего: двенадцать огней, загорающихся в разных концах города – символы двенадцати магических районов, каждый из которых выставит своего сильнейшего воина.

«Пришло время показать, на что способен последний из рода оракулов», – подумал он.

Игры на выживание ещё не начались – но предвестники уже были здесь. И Артемиус понимал: это его последний шанс не только сохранить свою свободу, но и изменить судьбу всех двенадцати районов, став тем, кто объединит их перед лицом грядущей опасности.

В родовом гнезде Радомировых – старинном особняке на окраине Тривинланда, чьи стены помнили ещё времена первых оракулов, – решалась судьба Артемиуса. Девяностолетний, но всё ещё выглядящий как тридцатилетний юноша, он стоял в Зале Каменных Ликов, где вдоль стен выстроились бюсты предков, а в воздухе витал тяжёлый запах ладана и старых книг. Здесь, в этом священном для рода месте, решение приняли без него.

Ярослава Ильинична, бабушка Артемиуса и хранительница родовых тайн, восседала в центре зала на резном кресле из чёрного дуба. Её глаза, пронзительные и холодные, словно два осколка обсидиана, впились в юношу.

– Время пришло, – произнесла она, и её голос, острый как лезвие, разрезал густую тишину зала. – Артемиус должен вступить в капитул.

Артемиус уже открыл рот, чтобы ответить, но отец – Андрий Радомиров, человек с лицом, высеченным из гранита, – резко поднял руку, пресекая любые попытки протеста.

– Молчи. Ты не понимаешь, что на кону, – его голос звучал твёрдо, без тени сомнения. – Род угасает. Ты – последний оракул в поколении. Если ты не примешь бремя, мы потеряем всё: наш район, наши привилегии.

Артемиус сжал кулаки, чувствуя, как древняя сила пульсирует в его венах. Он знал – капитул означает конец его свободы, заточение в стенах, откуда нет выхода. Но слова отца пробудили в нём воспоминания о долге перед родом, перед предками, чьи лики взирали на него с высоты стен.

– Если я буду участвовать в играх на выживание, мне не придется после этого ходить туда? – тихо спросил он. – Ответь мне, пожалуйста.

Ярослава усмехнулась, и её улыбка была холоднее зимнего ветра.

– Не придется. Но не в них дело. Игры – это иллюзия, – произнесла она. – Капитул – единственная гарантия сохранения твоего дара и наследия рода. Ты пойдёшь, и это не обсуждается.

В зале повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов. Артемиус понимал – решение принято. Но в глубине души он уже знал: капитул не получит его без боя. Игры на выживание станут его последней надеждой на свободу, на жизнь без давления со стороны.

Юноша сжал кулаки. В душе бушевала буря. Он никогда не мечтал о Капитуле, он презирал и ненавидел это место. Его влекло иное – дикая магия лесов, где шептали древние деревья, журчание ручьёв, хранящих отголоски забытых заклинаний. Но здесь, в этом зале, его желания не имели веса.

Ильинична медленно развернула перед ним свиток с генеалогическим древом рода. На нём алыми нитями были отмечены оракулы – их становилось всё меньше с каждым веком. Внизу, рядом с именем Артемиуса, мерцал знак Радомира, красный мак, который горел синим пламенем, – прародителя, чьё наследие теперь лежало на плечах юноши.

В дверях зала проступил силуэт – не человек, а призрак Гордея Радомирова, племянника Артемиуса. Его очертания мерцали, словно сотканные из лунного света и тумана. Голос, напоминавший звон льда, прозвучал не извне, а будто внутри сознания каждого присутствующего:

– Вы забываете о цене, – произнёс призрак. – Капитул требует жертв, моральных и физических. Но кто сказал, что жертва должна быть добровольной?

Ярослава резко повернулась туда, где вибрировал воздух, но не увидела ничего, кроме лёгкого свечения. Её пальцы сжали подлокотники кресла.

– Ты ещё не забыл урок? Или тебе мало того, что случилось в башне? – её голос дрогнул, выдавая скрытую тревогу.

Призрак Гордея не дрогнул. Его полупрозрачная рука скользнула по рукояти кинжала, который лишь на миг обрёл материальность.

– Урок был наглядным. Я понял одно: сила не в подчинении, а в выборе. Артемиус вправе решать сам.

Андрий шагнул вперёд, его перстень с камнем-проводником вспыхнул:

– Ты забываешь, кто ты есть. Ты – оракул, а не судья.

– А разве оракул не должен защищать род от ошибок? – призрак Гордея бросил короткий взгляд на Артемиуса. – Ты помнишь, что стало со мной, когда я попытался взять силу без жертвы?

Артемиус помнил. Образ ослеплённого Гордея, его запекшиеся от крика губы, пустой хрустальный сосуд – всё это стояло перед глазами как предупреждение.

– Ты принял яд сна, – тихо сказал Артемиус. – И едва не стал тенью подземелий.

– Именно, – призрак усмехнулся, и в этой усмешке не было ни боли, ни сожаления. – Но я выжил. И теперь знаю: Капитул – это ловушка. Они заберут твой дар, твоё время, твою волю.

Ярослава ударила ладонью по подлокотнику:

– Довольно! Гордей, твоё мнение не требуется. Артемиус – последний оракул. Его место в капитуле.

– А если он откажется? – голос призрака наполнил зал, словно ледяной ветер. – Что тогда? Вы готовы сломать его, как сломали меня?

– Ты сам себя сломал, – холодно парировала Ярослава. – Не хватило воли принять цену силы.

В зале повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов.

– Ты – последняя ветвь, Артемка – повторила бабушка, и в её голосе прозвучала не просьба, а приговор. – Если ты откажешься, род лишится права быть в составе общей сети магической Москвы. А без этого мы не сможем защитить наши тайники, наши архивы, наши… секреты.

Она намеренно сделала паузу, и Артемиус понял: речь шла не только о престиже. В глубинах родовых подземелий хранились вещи, которые не должны попасть в чужие руки.

Отец шагнул ближе. На его руке вновь засветился перстень с камнем-проводником, напоминая о силе, которой владел род.

– Если ты не пойдёшь добровольно, мы применим Клятву Крови, – произнёс он тихо, но так, что слова врезались в сознание юноши. – Ты знаешь, что это значит.

Артемиус знал. Клятва Крови – древний ритуал, заставляющий члена рода подчиниться воле старейшин. После него воля становится хрупкой, как стекло, а мысли – прозрачными, как вода. Он потеряет себя.

Бабушка добавила, глядя прямо в глаза:

– Подумай о Фатинье. Она отдала жизнь, чтобы ты родился. Разве не долг сына – оправдать её жертву?

Это был удар в самое сердце. Образ матери – её улыбка, её руки, держащие младенца, – вспыхнул перед глазами. Артемиус опустил голову, чувствуя, как внутри что-то ломается.

На следующий день его привели в Зал Присяги капитула. Стены здесь были выложены чёрным камнем, поглощающим свет, а в центре стоял алтарь из кости дракона. Артемиуса поставили перед деканом – человеком с лицом, похожим на изъеденный временем пергамент. В руках тот держал свиток обязательств, чьи строки мерцали, словно живые.

– Клянёшься ли ты, Артемиус Радомиров, служить Капитулу, хранить тайны, исполнять волю Совета и не искать пути к отступлению? – голос декана звучал, как звон погребального колокола.

Юноша взглянул на родителей. Отец стоял прямо, не выражая эмоций. Бабушка смотрела с холодным удовлетворением. Он закрыл глаза, вспоминая леса, ручьи, свободу – всё, чего лишался. И произнёс:

– Клянусь.

Свиток вспыхнул алым, и печать капитула – символ в виде черного ворона, – появилась на его запястье. Она была холодной, как лёд, и тяжёлой, как цепь.

С этого момента жизнь Артемиуса изменилась навсегда. Он получил доступ к библиотекам капитула, но каждый его шаг теперь контролировался. Ему назначили куратора – мрачного эльфа, Элариона, следившего за каждым его действием. Его имя внесли в Книгу Посвящённых, а значит, он больше не мог исчезнуть, не оставив следа.

Но в глубине души он знал: это не конец. Это – начало пути, где каждое решение будет борьбой за то, чтобы остаться собой.

Когда он вышел из Зала Присяги, ветер прошептал ему на ухо:

«Ключ не всегда открывает двери. Иногда он запирает их».

Эларион из рода Тенегривых – имя, звучащее как древний напев на забытом языке.

Его облик воплощал холодную, почти нечеловеческую грацию: движения плавные, но точные, словно каждый жест просчитан заранее. Высокий, с узкой, вытянутой фигурой, он будто скользил над землёй, не касаясь её – даже в тесных коридорах капитула казалось, что пространство расступается перед ним.

Лицо эльфа поражало холодной, почти неземной красотой – той, что заставляет замирать сердце и одновременно внушает тревогу. В его чертах не было ни мягкости, ни теплоты, лишь безупречная, словно высеченная резцом мастера, строгость.

Высокие скулы, острые и чётко очерченные, придавали облику аскетичную выразительность. Они словно подчёркивали дистанцию между эльфом и всем остальным миром – незримую грань, которую никому не дозволено переступить. От скул вниз, к подбородку, тянулись едва уловимые тени, усиливая впечатление неприступности.

Нос был прямым и тонким, с едва заметной горбинкой, которая не нарушала гармонии, а напротив – добавляла лицу характер, намекала на древнюю родословную и несгибаемый нрав. Линия переносицы плавно переходила в низкий, ровный лоб, лишённый морщин – будто время не имело власти над этим существом.

Губы Элариона казались вырезанными из бледного камня: узкие, почти бескровные, они всегда были сжаты в строгую линию. Порой казалось, что он сдерживает усмешку – но это была иллюзия. В его улыбке не было ни веселья, ни иронии, лишь холодная наблюдательность, словно он изучал собеседника, как учёный изучает редкий экземпляр насекомого.

Подбородок украшало лёгкое углубление – едва заметная ямочка, которая, вопреки ожиданиям, не смягчала облик, а напротив, усиливала впечатление надменной отстранённости. В этом лице читалась многовековая история, груз знаний и тайн, которые не предназначались для чужих ушей.

И всё же главным были глаза. Серебристо-серые, с вертикальными зрачками, они напоминали глаза хищной птицы – бесстрастные, пронзительные, лишённые человеческих эмоций. В их глубине не отражалось ни сочувствия, ни любопытства – лишь холодный, расчётливый свет. Казалось, Эларион видел не просто человека, а сложную систему связей и узлов, которую следовало анализировать, контролировать, возможно – использовать. Взгляд его проникал

сквозь внешние покровы, добираясь до самых потаённых уголков души, и от этого становилось не по себе.

Эларион сидел за рулём такси – неподвижный, словно изваяние из лунного камня. Его облик воплощал холодную, почти нечеловеческую грацию: движения плавные, но точные, будто каждый жест просчитан заранее.

Когда очередное занятие капитула завершилось, Эларион молча кивнул Артемиусу. Его тень, вытянутая светом факелов, легла на пол, словно предупреждая: теперь ты не один.

– Пора, – произнёс он, и голос его звучал как лезвие, скользящее по точильному камню.

Эларион провёл Артемиуса к такси – не обычной машине, а странному гибриду старинного экипажа и хищной птицы. Корпус из тёмного дерева инкрустирован металлическими пластинами, напоминавшими перья. Колёса не касались земли – они парили в нескольких дюймах над булыжником, оставляя за собой слабый след из искрящейся пыли.

На двери – выгравированная эмблема: глаз в кольце из перевитых змей. Под ним – надпись на древнем языке, которую Артемиус не смог прочесть.

Эларион сел за руль, жестом указав Артемиусу на заднее сиденье. В замкнутом пространстве такси глаза эльфа в зеркальце заднего вида казались ещё более пронзительными.

Такси тронулось без звука. Город за окнами растворялся в сумраке, а дорога, ведущая к Тривинланду, будто сама сдвигалась под колёсами. Улицы становились длиннее, тени – гуще, а огни фонарей мерцали так, словно их кто-то гасил и зажигал вновь.

– Не смотри в окна слишком долго, – негромко предупредил Эларион, заметив, как Артемиус вглядывается в мелькающие силуэты. – Это дорога не для любопытных глаз.

В воздухе пахло озоном и чем-то металлическим – как перед грозой. Время от времени в стекле отражений мелькали чужие лица – бледные, безмолвные, наблюдавшие из глубины стекла. Но стоило Артемиусу повернуться, они исчезали.

Эларион вёл машину молча. Лишь время от времени он касался одного из своих колец – и тогда такси слегка меняло направление, обходя невидимые преграды. Его пальцы двигались с точностью хирурга, а взгляд оставался прикованным к дороге, которая то сужалась до нити, то расширялась в звёздный туннель.

Руль под его руками казался живым – то ли из кости, то ли из металла, пульсирующего в такт невидимому ритму. Иногда пальцы эльфа выбивали на нём короткую дробь, будто передавали послание на древнем языке.

Когда они наконец достигли Тривинланда – района Радомировых, севера магической Москвы, где дома стояли, словно забытые стражи, а туман стелился по мостовым, как живая вода, – Эларион произнёс:

– Ты теперь часть механизма, Артемиус Радомиров. И если попытаешься вырваться, он просто перемолотит тебя. Помни это.

Дверь такси открылась, выпуская Артемиуса в ночь. А когда он обернулся, машины уже не было – лишь след из мерцающей пыли медленно оседал на мостовую.

В просторном зале, где величественные колонны из чёрного мрамора подпирали своды, а воздух словно дрожал от наслоённых за века заклинаний, вспыхнул конфликт – подобно искре, упавшей в сушь забытых пророчеств.

В самом центре зала, внутри круга собравшихся учеников, стоял Артемиус. Его облик внушал трепет и заставлял сердца замирать. Чёрные волосы, взъерошенные и непокорные, напоминали воронье крыло; среди них выделялась одинокая седая прядь – не признак старости, а тяжкое бремя видений, легшее на его плечи.

Глаза его были непостижимы: один – чёрный, бездонный, словно колодец, хранящий древние тайны; другой – алый, будто капля крови праотцев, в которой мерцали отблески грядущих битв.

Одежды Артемиуса казались сотканными из спрессованного сумрака – тёмные, почти поглощающие свет. Они были щедро расшиты знаками древних оракулов: иероглифами, что мерцали при каждом движении, и символами, смысл которых знали лишь те, кто отважился пройти путями забытых богов. Среди этих знаков первым выделялся знак Радомира – прародителя рода Артемиуса, того, кто некогда открыл врата между мирами.

Вокруг него, словно живые существа, кружили свитки. Красные пылали, подобно углям в печи предречений, а чёрные шептали, будто тени, вырвавшиеся из забытых гробниц. Они то обвивались вокруг его рук, то рассыпались вихрем, выхватывая из воздуха обрывки видений – смутные образы, обрывки фраз, отголоски событий, ещё не свершившихся.

Артемиус, несмотря на десятилетия практики и накопленные знания, всё ещё ощущал себя лишь учеником перед лицом великой тайны. Он читал послания свитков, различал шёпот прошлого и стоны грядущего, но с каждым новым откровением понимал – глубина их смысла остаётся за гранью его понимания.

Чёрные свитки хранили в себе загадки, которые, казалось, становились лишь запутаннее с каждым прочтением. Их письмена, словно живые существа, ускользали от его разума, открывая лишь части истины. Красные свитки, предрекающие будущее, порой противоречили друг другу, создавая мозаику, которую он не мог сложить воедино.

В его душе смешивались тревога и восторг: он чувствовал, как сквозь пальцы просачивается нечто великое, непостижимое. Артемиус знал – древние знаки на его одежде и в его крови хранят ответы, но доступ к ним требует не просто знаний, а особого ключа, которого у него пока нет.

Он осознавал, что многие послания свитков существуют на уровне, недоступном его нынешнему пониманию. Словно ребёнок, пытающийся постичь тайны вселенной, он понимал, что за внешней оболочкой символов скрывается куда более глубокий смысл, доступный лишь избранным.

Эта неполнота понимания не пугала, а скорее подстёгивала его. Артемиус чувствовал, что готов принять судьбу, начертанную древними знаками, но в то же время осознавал – его путь к полному пониманию только начинается, и впереди его ждут испытания, которые проверят не только его знания, но и силу духа.

В просторном зале, где своды подпирали колонны из чёрного мрамора, а воздух дрожал от наслоённых за века заклинаний, вспыхнул конфликт – словно искра, упавшая в сушь забытых пророчеств. Всё началось не с насмешки, а с тяжёлого обвинения, разорвавшего тишину, как лезвие.

Вперёд шагнул один из учеников – высокородный отпрыск рода Светозаровых. Его перстни с лунными камнями сверкали в полумраке. В руке он держал клочок пергамента – вырванную страницу из книги, чьи корешки были запечатаны семью печатями капитула.

– Глядите! – его голос звенел, как битое стекло. – Он читает Запретный фолиант! Тот, что сокрыт в Скрижалях Молчания! Разве не сказано в уставе: «Кто прикоснётся к знанию, коему нет дозволения, да будет извержен»?

Пергамент в его руке излучал тусклый свет, а буквы на нём то и дело меняли очертания – то складывались в слова, то превращались в змеиные завитки.

За ним, словно волна, поднялись ещё одиннадцать учеников – ровно двенадцать, как двенадцать магических районов, каждый со своим характером, своей магией, своим гневом. Они окружили Артемиуса, и зал наполнился голосами:

– Он позорит капитул! Где это видано – чтобы оракул копался в запретных знаниях, словно вор в сокровищнице? – выкрикнул один, Богдан Велесов. – Пусть ответит перед деканом!

– Он ищет силу, которой не достоин! – подхватил другой, Всеслав Стрибогов, сжимая в руке кристалл памяти, способный запечатлеть любое деяние.

Артемиус не ответил. Он лишь опустил взгляд на свиток у своих ног – тот самый, что успел спрятать под плащом. На его поверхности мерцали иероглифы, которых не было ни в одном учебнике капитула: знаки, ведущие к Источнику Забытых Слов, откуда черпали силу первые оракулы.

Первый удар нанес Светозаров – резко, без предупреждения. Его рука взметнулась, и в воздух взвился лунный серп, сотканный из холодного серебристого света. Он сверкал, словно отточенное лезвие, несущее не просто удар, а приговор.

Артемиус не дрогнул. Не отступил ни на шаг. Лишь взмахнул рукой – и вокруг него вспыхнули красные свитки. Они взвились вихрем, окутав его пламенной завесой. Когда лунный серп столкнулся с этим щитом, раздался резкий треск – будто стекло разлетелось о скалу. Свет разлетелся осколками, а Артемиус остался невредим.

Но это было лишь начало. За первым ударом последовал шквал. Одиннадцать других учеников, охваченные гневом, страхом и завистью, бросились в атаку одновременно. Каждый из них выбрал свой путь, своё оружие, вложив в заклинания не только силу, но и бурю эмоций.

Тот, кто стоял слева, Всеслав Стрибогов, из Мертвозвездинска, взмахнул руками – и воздух наполнился пронзительным свистом. Из ниоткуда вырвался вихрь ледяных игл, сверкающих, как осколки мороза. Они неслись к Артемиусу, готовые пронзить его тело, оставить на коже узоры из крови и льда.

Рядом с ним другой ученик, Богдан Велесов, из Теньтильщиков, швырнул вперёд тёмную ткань – сеть теней. Она развернулась в воздухе, расширяясь, стремясь опутать Артемиуса, лишить его движения, превратить в безвольную куклу, запутавшуюся в паутине мрака.

Третий, Ярослав Перунов из Черносолнцева, закрыл глаза, сосредоточился – и ударил не телом, а разумом. Он попытался проникнуть в сознание Артемиуса, наслать морок забвения. Его цель – стереть память, вырвать из души все знания, превратить противника в пустую оболочку, забывшую даже собственное имя.

Четвёртый, Ростислав Черноборов из Набережной Звёздного Тумана, призвал дух ветра. Воздух задрожал, загудел, и яростный порыв рванулся вперёд, надеясь сбить Артемиуса с ног, швырнуть его о колонны, разбить о каменный пол.

Пятый, Олег Ярилов, из Рыжего Южного Тракта, разбросал перед собой зеркальные осколки. Они вспыхнули, отражая свет, и каждый осколок превратился в маленькое солнце, ослепляющее, режущее глаза. Артемиус едва успел прикрыть лицо, но свет проникал сквозь пальцы, пытаясь выжечь зрение.

Шестой, Игорь Боримиров, из Кровавой Набережной, бросил горсть пепла – и тот мгновенно ожил. Из серой пыли вырвалась стая летучих мышей. Они завизжали, закружились в бешеном хороводе, нацеливаясь на лицо, на глаза, на открытые участки кожи, чтобы вцепиться острыми когтями и зубами.

Седьмой, Михаил Светодаров, из Нового Светополотинска, взмахнул рукой, и из пола вырвались водяные струи. Они извивались, как живые змеи, стремясь оплести ноги Артемиуса, сковать его движения, утянуть вниз, в холодную глубину.

Восьмой, Гавриил Ветрович, из Таганского Холма, метнул огненные шары. Они летели, оставляя за собой дымные хвосты, и при приближении начинали шипеть, будто голодные звери. Их жар ощущался даже на расстоянии, а при ударе они обещали испепелить всё, что окажется на пути.

Девятый, Феодор Евдокиев, из Лесного Измайлово, произнёс заклинание – и пол под ногами Артемиуса зашевелился. Из трещин вырвались лианы, толстые и гибкие, покрытые шипами. Они потянулись к нему, пытаясь связать, задушить, впиться в кожу, как ядовитые змеи.

Десятый, Иоанн Параскев, из Китайгородского Лабиринта, ударил звуком. Его голос превратился в ударную волну, которая прокатилась по залу, била по ушам, как молоты, заставляла дрожать кости, грозила разорвать барабанные перепонки.

Одиннадцатый, Кассиан Прилуцкий, из Мистического Арбата, призвал духов-призраков. Они возникли из тени, бесформенные и жуткие, с глазами, горящими холодным огнём. Они окружили Артемиуса, шептали проклятия, их голоса проникали в разум, как ледяные иглы, пытаясь сломить волю, посеять страх.

И наконец, двенадцатый, Димитрий Авнежский, из Тайного Чертолья, сделал шаг вперёд, вытянул руки – и вокруг Артемиуса возник вакуум. Воздух сгустился, стал тяжёлым, давящим, словно тысячи невидимых рук сжимали его со всех сторон, пытаясь высосать энергию, оставить его опустошённым, бессильным.

Но Артемиус уже был не там. Он вошёл в транс оракула – состояние, когда время теряет свою власть, становится вязким, тягучим, словно мёд. В его восприятии мир распался на символы и знаки. Удары, которые должны были поразить его мгновенно, теперь замедлялись, превращаясь в тягучие росчерки света, проплывающие мимо, как облака.

Заклинания, выпущенные учениками, стали видимы. Они извивались в воздухе, словно живые змеи, их формы менялись, а в воздухе разливался странный запах – смесь серы и мёда, сладкий и одновременно тошнотворный.

А свитки, кружившие вокруг Артемиуса, ожили. Они больше не были просто пергаментом. Они превратились в оружие: одни стали острыми, как клинки, другие – прочными, как щиты. Они двигались по его воле, отражая удары, парируя заклинания, защищая своего хозяина.

В этом состоянии Артемиус видел не просто атаку – он видел её суть. Он видел нити магии, связывающие каждого ученика с их заклинаниями, видел слабые места в их защите, слышал шёпот древних знаний, подсказывающий, как ответить.

Он не спешил. Он ждал. Потому что знал: когда время замедлится достаточно, он сможет нанести ответный удар – один, но такой, что изменит всё.

Катана появилась в его руке без его воли – она сама вышла из ножен, словно жаждущий крови зверь. Лезвие зазвенело, издав звук, похожий на крик павшего воина.

Первый противник – тот, что метал ледяные иглы, – упал, едва клинок коснулся его плеча. Не кровь хлынула из раны, а туман воспоминаний, и в нём мелькали образы: мать, зовущая ребёнка, первый урок магии, смех, ставший эхом.

Второй – тот, кто бросил сеть теней, – запутался в ней сам. Сеть превратилась в живую тьму, которая обвила его, шепчущая: «Ты забыл, кто ты есть».

Третий, пытавшийся ударить в разум, вдруг замер – его собственные мысли обратились против него, заставляя видеть кошмары, рождённые его страхами.

Четвёртый, призвавший ветер, ощутил, как тот обернулся против него, швыряя его о колонны.

Пятый, использовавший зеркальные осколки, увидел в них не Артемиуса, а своё искажённое отражение – лицо, полное ужаса.

Шестой, призвавший летучих мышей, вдруг понял, что они атакуют его самого, впиваясь когтями в кожу.

Седьмой, вызвавший водяные струи, оказался скован льдом, который поднялся от пола и сковал его ноги.

Восьмой, метнувший огненные шары, увидел, как они обратились в пепел и осыпались на него, словно могильный покров.

Девятый, призвавший лианы, почувствовал, как они оплетают его тело, душит, шепчут: «Ты не властен над природой».

Десятый, использовавший звуковые волны, вдруг оглох от собственного крика, отразившегося от стен.

Одиннадцатый, призвавший духов-призраков, увидел, как те обернулись против него, нашептывая: «Ты продал душу за силу».

Двенадцатый, попытавшийся поглотить энергию, ощутил, как его собственная сила утекает в пустоту, оставляя его бессильным.

– Как вы смеете судить о том, чего не видите? – голос Артемиуса звучал, как звон погребального колокола. – Знайте: клинок мой – не оружие, а ключ. А книга – не запретная, а забытая. Те, кто скрыл её, боялись не знания, а силы, что оно пробуждает.

Светозаров попытался бежать, но красные свитки схватили его за ноги, подняв в воздух. Артемиус шагнул к нему, и его алый глаз вспыхнул.

Он поднял руку, и свиток у его ног взмыл в воздух. Символы на нём вспыхнули – но не холодным магическим светом, а синим пламенем алых маков. Символ проступил чётко, словно выжженный в самом пространстве: семь маков, расположенных по кругу, их лепестки переливались от багряного к чернильно-красному; в центре – восьмой цветок, крупнее прочих, с чёрными прожилками, напоминающими иероглифами; между цветами вились тонкие стебли, превращающиеся в едва различимые письмена древнего наречия.

Это был знак Радомира – печать его рода, ключ к забытым знаниям. Когда символ полностью проступил в воздухе, зал словно замер, окутанный древней силой.

Светозаров побледнел. Он узнал этот знак – в хрониках его рода говорилось, что символ Радомира появляется лишь в переломные мгновения: перед гибелью или перед возрождением. Его пальцы дрогнули, а взгляд невольно скользнул к мерцающим макам, чьи лепестки переливались от багряного к чернильно-красному.

Остальные ученики ощутили нечто необъяснимое – будто тысячи глаз из глубины веков устремились на них, оценивая, испытывая, взвешивая их души. Тени на стенах медленно склонились, словно в почтительном поклоне, а воздух наполнился странным ароматом – смесью мёда и железа. Этот запах, по древним легендам, всегда сопровождал самого Радомира, когда он проходил между мирами.

Для Артемиуса этот знак был не просто наследием предков. В нём заключалось многое: и тяжкое напоминание о долге, ведь он оставался последним в роду, и на его плечи легла непомерная ответственность – сохранить то, что другие веками пытались стереть из памяти. В пылающих маках таилось и предупреждение: их свет становился всё ярче, словно шептал: «Скоро всё изменится. Готовься». Но вместе с тем знак нёс и обещание – если Артемиус выдержит грядущие испытания, символ раскроется полностью, и тогда ему откроется истинное имя Источника, древнего источника силы его рода.

Раньше знак проявлялся лишь урывками, словно стесняясь явить всю свою мощь. Порой он проступал как едва заметные тени на коже Артемиуса, особенно в лунном свете. Иногда – как алый отблеск в его глазу, когда он погружался в транс и его сознание касалось иных миров. В минуты смертельной опасности знак превращался в вихрь алых маков, чьи лепестки становились непробиваемыми барьерами, защищавшими его от ударов.

Но сейчас, в зале капитула, символ явился во всей своей полноте – впервые за столетия. Маки горели так ярко, что их свет проникал в каждую щель, в каждую трещину старого камня, наполняя пространство трепетом и ожиданием. Древние силы пробудились, и отныне судьба Артемиуса была неразрывно связана с наследием Радомира.

Когда битва достигла апогея, в зал ворвался староста капитула – высокий, сутулый человек. В руке он держал посох забвения – древнее орудие, способное усмирить любую магию.

– Довольно! – его голос прокатился по залу, как камнепад. – Артемиус, ты перешёл черту!

Он ударил посохом о пол. В воздухе вспыхнул знак молчания – круг из символов, который поглотил все звуки. Свитки замерли в воздухе, словно пойманные в паутину. Катана в руке Артемиуса затихла, но её лезвие продолжало пульсировать, будто сердце раненого зверя.

Староста подошёл вплотную. Его глаза, холодные, как лёд, встретились с алым оком Артемиуса.

– Ты знаешь, что за это будет? – прошептал он. – Тебя ждёт кабинет декана. И поверь, он не станет слушать оправдания. Особенно теперь, когда ты показал им… это.

Он кивнул на свиток, всё ещё мерцающий в воздухе. На его поверхности проступали новые иероглифы – те, что открывали путь к Источнику.

Величественные своды капитульной твердыни поглощали шаги Артемиуса, словно древний склеп, хранящий тайны веков. Цепи молчания обвивали его запястья, незримые оковы, что глушили магическую суть, заставляя древние свитки опадать к ногам, будто крылья мёртвых птиц.

Вдоль извилистых коридоров, словно тени прошлого, прятались послушники, их глаза горели жадным любопытством и страхом перед тем, что им не дано было постичь. Стены, веками впитывавшие шёпот заклинаний, теперь вторили голосам теней, что нашептывали: «Он не последний. Он – единственный».

Стражи в воронёных доспехах, чьи латы звенели погребальным набатом, стояли у врат. Их взоры были холодны как лёд, а оружие казалось готовым в любой миг преградить путь к свободе. «Запретное знание не прощают», – говорили их позы, их взгляды, их готовность к бою.

Когда массивные двери кабинета верховного декана с протяжным скрипом распахнулись, Артемиус обернулся в последний раз. В воздухе, словно призрачный дым, витал образ прародителя – Радомира. Его тень, сотканная из лунного света и древних знаний, словно шептала:

– Ты ступаешь по верной стезе, даже если она ведёт в бездну небытия. Знание – та цена, что стоит платить, сколь бы высока она ни была.

Каждый шаг вглубь капитула отдавался в его душе болью утраты свободы, но в этой боли рождалась новая сила – сила принятия судьбы, начертанной звёздами и кровью предков. В этих стенах, где время текло иначе, где каждый камень хранил память о древних битвах света и тьмы, ему предстояло пройти последнее испытание.

В сумрачной зале капитула, где древние своды, словно каменные стражи времён, хранили эхо минувших веков, предстал Артемиус. Его взор, острый как клинок, пронзал тьму, а в чертах лица читалась непокорность – та самая, что когда-то заставила предков бросить вызов судьбе.

Декан, облачённый в мантию, тяжёлую от вышивки древних символов, неспешно поднялся со своего трона. Его очи, подобные двум угольям, пылали неземным огнём.

– О свободе глаголешь ты, чадо? – голос его, глубокий и тягучий, словно мёд, наполнил залу. – Но разве не ведаешь, что свобода без уз – есть путь в бездну?

Артемиус, не дрогнув, ответил:

– Свобода – суть наша, декан. Как воздух для птицы, как вода для рыбы. Без неё дар оракула – лишь бремя, а не благословение.

Декан медленно обошёл вокруг него, словно хищник, кружащий возле добычи.

– А знаешь ли ты, чадо, что есть цена свободы? – спросил он, остановившись за спиной юноши. – Кровь невинных, слёзы сирот, пепел сожжённых капищ?

Артемиус обернулся:

– Знаю. Но также ведаю, что есть цена неволи – смерть духа, угасание дара, забвение предков.

Долго молчали они, меряясь взглядами, словно клинками. Тени в углах залы словно затаили дыхание, внимая их спору.

– Драка твоя, – наконец молвил декан, – есть вызов не только мне, но и всему капитулу. И кара за то будет сурова.

Он поднял руку, и в воздухе запахло серой и раскалённым металлом.

– Будешь ты участвовать в Играх на выживание, – голос его звучал как приговор. – Там, где двенадцать героев, по числу районов московских, сойдутся в битве с тьмою.

Декан медленно извлёк из складок мантии древний свиток.

– В каждом районе – свой страж, – продолжал он. – Чудовище, что есть воплощение тьмы. И лишь тот, кто принесёт клык поверженного врага в тренировочный лагерь, обретёт свободу.

Дракон с чешуёй цвета закатного неба, чьи когти могли рассечь сталь.
Древний змей, обвивающий деревья, словно живая лиана смерти.
Каменный голем, чьи суставы скрипели от древности, как кости мертвеца.
Химера, сочетающая в себе черты льва, козы и змеи – чудовище, рождённое в кошмарах.
Гидра с тремя головами, каждая из которых источала яд.
Великан, чей рост превосходил самые высокие башни, словно воплощение самой смерти.
Гарпия с крыльями, затмевающими солнце, чьи когти были остры как бритвы.
Страж в древних доспехах, не знающий страха, чья броня была крепче адаманта.
Тролль, чья кожа была крепче стали, а ярость – безгранична.
Обезьяна с когтями, способными рассечь металл, словно бумагу.
Гигантский паук, плетущий смертоносную паутину из яда.
Минотавр, чьё присутствие внушало такой трепет, что даже самые отважные дрожали.

– И помни, – завершил декан, – в прошлых Играх победителем вышел не человек. Победил Красный Огненный Конь, что доселе хранит свои тайны.

Свиток вспыхнул в его руках, рассыпавшись пеплом, а с ним развеялись и последние надежды Артемиуса на лёгкое разрешение судьбы.

Когда тяжёлые двери капитульной залы захлопнулись за спиной Артемиуса, он на мгновение замер. Холодный воздух коридора словно отрезвил его, но в глубине души уже разгорался огонь предвкушения.

Он шёл по коридорам, и его шаги, обычно тихие и почти неслышные, теперь отдавались уверенной поступью. Губы сами собой растягивались в улыбку – первую искреннюю улыбку за долгое время.

«Свобода…» – прошептал он, и это слово, словно драгоценный камень, покатилось по его устам.

Прохожие в изумлении оборачивались – никогда прежде они не видели, чтобы Артемиус улыбался так открыто. В его глазах, обычно полных тревоги и сомнений, теперь плясали озорные огоньки.

Он спускался по каменным ступеням, и каждая ступень словно подталкивала его вперёд, к новой жизни. В его голове уже рождался план – план исследования двенадцати магических районов, встречи с древними чудовищами, победы над ними.

«Наконец-то я смогу действовать, а не ждать», – думал он, ускоряя шаг.

На выходе из капитула он остановился. Взор его устремился к небу, где звёзды, казалось, подмигивали ему в ответ. Артемиус глубоко вдохнул свежий воздух свободы и рассмеялся – громко, искренне, с той радостью, которую давно не испытывал.

Теперь у него была цель, и эта цель вела его к настоящей свободе – не к той, что дарується милостью капитула, а к той, что добывается собственными руками, собственным умом, собственным сердцем.

И пусть путь будет труден, пусть чудовища окажутся сильнее, чем он думает – но разве не в этом истинное предназначение оракула? Разве не для этого он хранил свой дар все эти годы?

Артемиус повернулся к капитулу спиной и шагнул в ночь – навстречу своей судьбе, навстречу свободе, навстречу новым открытиям.

Эльфийское такси скользило между тенями улиц, когда Артемиус почувствовал, как древние письмена на полках затрепетали, словно живые существа. Среди безмолвных свитков один – чёрный, как ночь без звёзд – вдруг вспыхнул багровым пламенем, его руны задвигались, складываясь в запретные символы.

– Останови, смерд! – прорычал Артемиус, его голос эхом отразился от стен салона. – Или твоя голова украсит мой трофейный столб!

Эларион из рода Тенегривых, чьё лицо скрывала тень капюшона, медленно повернулся. В его глазах сверкнуло нечто большее, чем просто раздражение.

– Юнец дерзкий, – прошипел он, обнажая острые клыки. – Думаешь, можешь угрожать древнему роду?

Артемиус взмахнул катаной, лезвие рассекло воздух с жутким свистом.

– Молчи, презренный! – рявкнул он. – Или познаешь гнев последнего оракула!

В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием обоих. Водитель неохотно притормозил. Артемиус, не теряя времени, выпрыгнул наружу, сжимая в руке пылающий свиток.

Древние иероглифы на пергаменте пульсировали, указывая путь к заброшенному зданию. Там, в стене, мерцала красная деревянная дверь – врата в иную реальность.

Артемиус приблизился к двери, чувствуя, как от неё исходит древняя магия. Вокруг портала клубилась тьма, наполненная шёпотом забытых заклинаний. В воздухе пахло серой и древними заклятьями.

Возле красной деревянной двери стоял пакет с розовыми перчатками – словно застывшие капли крови на чёрном бархате ночи. Артемиус протянул руку к пакету, и в этот момент дверь задрожала, словно от смеха.

глава 2: Две стороны одной монеты.

Маленький Артём рос в атмосфере постоянной неуверенности и страха. В свои пять лет он впервые столкнулся с жестокостью реального мира, когда бабушка взяла его с собой в деревню. Местные мальчишки, словно стая голодных волков, набрасывались на беззащитного городского ребёнка. Они обзывали его «маменькиным сынком», толкали, отбирали игрушки, а он, сжавшись в комочек, мог только плакать и надеяться на чудо.

Особенно запомнился случай, когда они с бабушкой пошли на деревенский праздник. Артём увидел красивую игрушечную машинку и потянулся к ней, а местный мальчишка по имени Тошка тут же выхватил её и убежал. Бабушка пыталась заступиться, но местные только отмахнулись: «Пусть учится постоять за себя».

Бабушка была для Артёма не просто родственницей – она была его опорой, единственным человеком, который по-настоящему понимал его тонкую натуру. В её присутствии он мог быть собой, не боясь осуждения или насмешек. Она слушала его страхи, разделяла его мечты и всегда находила нужные слова поддержки.

Когда бабушка заболела, Артём замкнулся в себе ещё больше. Он часами сидел у её кровати, держа её сухую, морщинистую руку в своей, словно пытаясь передать ей свою силу. Но болезнь оказалась сильнее.

В день, когда бабушки не стало, мир для Артёма словно потерял краски. Он не мог есть, не мог спать, не мог даже дышать без того, чтобы не почувствовать острую боль в груди. Его преследовали воспоминания: как они вместе пили чай с малиновым вареньем, как она учила его читать, как рассказывала удивительные истории из своей молодости.

Дни превратились в бесконечную череду слёз и тоски. Артём перестал ходить в школу, забросил все свои занятия. Он часами сидел на подоконнике, глядя в одну точку, или бесцельно бродил по улицам, надеясь встретить кого-то, кто мог бы разделить его боль.

Родители пытались его поддержать, но их попытки казались ему поверхностными, неспособными понять глубину его утраты. Они не могли заменить ему ту невидимую связь, которая существовала между ним и бабушкой.

В его снах она всё ещё была жива. Он видел, как она улыбается ему, как машет рукой, как пытается что-то сказать. Но когда он просыпался, реальность обрушивалась на него с новой силой.

Артём начал собирать все вещи, которые напоминали ему о бабушке: старые фотографии, её платок, книгу с закладками, которые она оставила. Он создал своеобразный алтарь памяти, где проводил часы, разговаривая с её портретом, рассказывая о своих проблемах и мечтах.

Время шло, но боль не утихала. Она просто научилась прятаться глубже, маскироваться под повседневными заботами. Но Артём знал – эта рана останется с ним навсегда, как шрам на сердце, напоминающий о самой большой потере в его жизни.

И только спустя годы он понял, что бабушка оставила ему самый ценный подарок – умение любить безусловно, умение быть чутким к чужой боли и умение находить свет даже в самые тёмные времена.

Никто не приходил больше ему на помощь в тяжелые моменты жизни – ни взрослые, ни другие дети. Эта ситуация оставила глубокий след в его душе, сформировав комплекс неполноценности, который преследовал его годами. Он начал заикаться от страха, плохо спал по ночам, а в его глазах навсегда поселилась тревога.

В начальной школе ситуация только ухудшилась. Одноклассники, заметив его слабость, превратили травлю в ежедневное развлечение. Они прятали его вещи, подкладывали кнопки на стул, обзывали при всех. Учителя видели его состояние, но предпочитали закрывать глаза на происходящее, считая, что «дети просто играют».

Особенно жестоким был Серёжа из параллельного класса. Он придумал игру «Догони Артёма», и каждый день после уроков группа мальчишек гонялась за ним по школьным коридорам, пока он не спрятался в туалете.

В средней школе ситуация достигла апогея. Старшие ребята видели в нём лёгкую добычу. Они регулярно отбирали деньги на обед, заставляли делать за них домашние задания, а иногда просто избивали ради развлечения. Артём пытался игнорировать издевательства, но чем больше он молчал, тем сильнее становились нападки.

Однажды старшеклассники загнали его в подвал и заставили стоять на коленях, пока они смеялись над ним. С тех пор он стал бояться темноты и замкнутых пространств.

В какой-то момент они окружили его в школьном дворе и сунули в руки сигарету.

– Ну чё, маменькин сынок, давай, попробуй, – ухмыльнулся главный задира, Витя по кличке «Вспышка». – Не будешь – пацаны уважать не будут.

Артём сопротивлялся, но под угрозами и насмешками сдался. Первый раз он чуть не задохнулся от едкого дыма, но «друзья» только смеялись.

– Вот так, бро, теперь ты свой, – похлопал его по плечу Вспышка, но в глазах его читалось только презрение.

Вскоре курение стало его зависимостью. Он прятал сигареты в школьном рюкзаке, тайком курил за углом школы. Но однажды батя застал его за этим занятием.

– Ты что себе позволяешь?! – прогремел батя, увидев сына с сигаретой. – Я тебя воспитывал, а ты…

Ремень свистнул в воздухе, оставляя красные полосы на спине. Артём терпел, сжав зубы, но в глубине души понимал – это не поможет. Курение стало его способом справиться со стрессом, его единственным «другом» в мире, где он чувствовал себя чужим.

Дома он старался не попадаться батя на глаза, но запах табака всё равно выдавал его. Мать пыталась поговорить, но он замыкался ещё больше.

– Пацаны все курят, – отмахивался он, когда мать пыталась отговорить его. – Это нормально.

Но внутри он знал, что это не нормально. Знал, что это слабость, но избавиться от неё не мог. Сигарета стала его спутницей в моменты одиночества, его способом отгородиться от мира, который так жестоко его отвергал.

Даже после того, как побои прекратились, привычка осталась. Она стала ещё одним напоминанием о его уязвимости, ещё одним шрамом на душе. И каждый раз, затягиваясь дымом, он чувствовал, как всё глубже погружается в свой собственный мир, где никому нет до него дела.

К старшим классам он полностью замкнулся в себе. Словно улитка в раковине, прятался за учебниками и тетрадями. Единственным местом, где чувствовал себя в безопасности, стала математика. Цифры и формулы не смеялись над ним, не обижали, не предавали. Он стал лучшим учеником по точным наукам, но цена этой «успешности» была высока – полное одиночество и ненависть к себе.

На уроках он сидел в последнем ряду, стараясь быть незаметным. Учителя уважали его ум, но никто не замечал, как он страдает.

Однажды Вспышка уговорил его пойти на школьную дискотеку. «Там будет весело, все будут танцевать, никто не будет тебя доставать», – убеждал он. Артём согласился, хотя внутри всё сжималось от страха.

В тот вечер он надел свою лучшую рубашку и даже попытался уложить непослушные волосы. В школе царила непривычная атмосфера: громкая музыка, яркие огни, смеющиеся ребята. Но для Артёма всё это казалось чужим и враждебным.

Он стоял у стенки, наблюдая за танцующими парами. Когда диджей объявил медленный танец, несколько ребят подошли к нему:

– Эй, маменькин сынок, потанцуешь с нами? – издевательски спросил Серёжа.

Артём понял, что это очередная издевка. Серёжа и его компания окружили его, образовав круг. Музыка заиграла, и Артём, не зная движений, начал неловко переступать с ноги на ногу.

Кто-то включил на телефоне камеру, и смех стал громче. Ребята начали снимать его неуклюжие попытки танцевать. Артём почувствовал, как кровь приливает к щекам, как земля уходит из-под ног.

В этот момент музыка внезапно оборвалась. Кто-то из старшеклассников выключил проигрыватель. Свет включился, и все увидели, как Артём стоит посреди зала, красный от стыда, с дрожащими руками.

Видео с его «танцами» тут же разлетелось по школьным чатам. На следующий день в школе его встретили улюлюканьем и смехом. Одноклассники показывали телефоны, где было записано его унижение.

После этого случая Артём окончательно закрылся от внешнего мира. Он перестал выходить из дома по выходным, забросил даже математику, которая раньше была его спасением. Его страх перед людьми усилился, а уверенность в себе упала до нуля.

Теперь он был уверен: лучше быть невидимым, чем снова оказаться в центре такого унижения. Дискотека стала последней каплей, после которой он окончательно решил, что никогда не будет доверять людям полностью.

Артём не мог похвастаться эффектной внешностью. Природа не наградила его ни высоким ростом, ни модельными чертами лица. У него было худощавое телосложение, немного сутулые плечи и длинные, тонкие пальцы, которые особенно хорошо чувствовали камеру.

Его лицо было скорее вытянутым, с острым подбородком и большими, выразительными глазами – в них часто читалась усталость или тревога. Нос прямой, не слишком крупный, а губы тонкие, словно нарисованные карандашом.

Волосы у Артёма были русые, непослушные, вечно торчащие в разные стороны, несмотря на все попытки их уложить. Он часто зачёсывал их назад, но они всё равно падали на лоб, создавая небрежный, творческий беспорядок. У него была странная привычка – в моменты волнения или глубоких размышлений он машинально касался своих волос, словно пытаясь найти в этом жесте успокоение. Иногда он пропускал пряди сквозь пальцы или откидывал их назад нервным движением руки.

В одежде он предпочитал комфорт и практичность. Его любимым предметом гардероба стал старый, потрёпанный худи тёмно-синего цвета с капюшоном – в нём он чувствовал себя защищённым от внешнего мира. Под худи обычно надевал простую футболку или рубашку, а на ноги – удобные джинсы с потёртостями на коленях.

Из обуви Артём выбирал кроссовки – они были его верными спутниками во время долгих прогулок по городу. Он мог часами бродить по улицам, выискивая интересные кадры, и удобная обувь была для него необходимостью.

На шее почти всегда висел фотоаппарат на чёрном ремешке – это был не просто инструмент работы, а часть его образа. Иногда он надевал кожаный рюкзак, в который помещались запасные аккумуляторы, карты памяти и другие фотоаксессуары.

В его внешнем виде не было ничего броского или вызывающего. Он не следил за модными тенденциями и не стремился произвести впечатление. Его стиль был отражением его внутреннего мира – скромным, немного замкнутым, но с особой, едва заметной эстетикой.

Единственное, что он иногда позволял себе в плане внешнего вида – это аксессуары для камеры. Он мог часами выбирать новый ремешок или чехол для объектива, но на собственную одежду тратил минимум внимания и средств.

Ненависть Артёма к гороскопам и всему магическому началась ещё в школе. Одноклассники часто собирались после уроков в пустых классах и устраивали свои странные ритуалы. Особенно любили они проводить «призыв Кровавой Мэри» в женском туалете на третьем этаже.

Он помнил, как однажды случайно стал свидетелем такого собрания. Группа ребят, среди которых был и жестокий Серёжа, собралась в тёмном коридоре. Они зажгли свечи, расставили зеркала и начали что-то бормотать, имитируя древний ритуал.

– Сейчас она придёт, – шёпотом говорил Серёжа, – Кровавая Мэри явится, если правильно всё сделать.

Артём наблюдал за этой сценой из-за угла, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Но не от страха перед призраками, а от отвращения к тому, как его одноклассники используют мистику для своих игр.

Позже они начали дразнить его за то, что он не верит в эти «чудеса».

– Ты просто трус! – кричали они. – Боишься признать, что существует нечто большее, чем твоя математика.

Именно тогда в нём зародилось стойкое отторжение ко всему, что связано с магией, гаданиями и предсказаниями. Он видел, как его одноклассники используют эти вещи для манипуляций и издевательств над другими.

– Всё это чушь! – часто повторял он про себя. – Нет никаких призраков, только глупые выдумки, чтобы пугать людей.

Эта детская травма сформировала его скептическое отношение ко всему сверхъестественному. Он предпочитал опираться на факты, на то, что можно увидеть и потрогать, на то, что можно объяснить логически. Именно поэтому он так яростно отвергал увлечение других гороскопами – в его памяти всё ещё были свежи воспоминания о том, как его одноклассники использовали подобные вещи для своих жестоких игр.

Со временем его отношение немного смягчилось, особенно когда он понял, что для некоторых людей вера в звёзды или ритуалы – это просто способ найти утешение и смысл в происходящем. Но глубоко внутри всё равно оставался тот испуганный подросток, который прятался в тёмном углу, наблюдая за пугающим представлением одноклассников.

Городская олимпиада по математике стала для Артёма не просто испытанием, а моментом долгожданного триумфа. Он знал, что Серёжа будет участвовать – тот самый Серёжа, чьи издевательства оставили глубокий след в его душе.

В день олимпиады Артём пришёл заранее, чувствуя, как внутри всё дрожит от предвкушения. Он занял место в аудитории, достал ручку и бумагу. Когда вошёл Серёжа, Артём встретил его взгляд с холодной уверенностью.

Олимпиада началась. Задачи были сложными, но Артём работал методично, не торопясь. Серёжа нервничал, его карандаш нервно постукивал по столу, глаза метались по задачам.

Когда объявили время сдачи работ, Артём был уверен в каждом решении. Его работа оказалась одной из лучших, а результаты превзошли все ожидания.

Первое место досталось Артёму. Серёжа занял последнее место в списке участников.

На торжественной линейке, когда директор школы вручал грамоты, Артём не мог скрыть улыбку. Когда объявили результаты, он не удержался:

– Ну что, Серёжа, кто теперь посмеётся последним? – его голос звучал холодно и насмешливо.

В глазах Серёжи мелькнуло удивление, смешанное с досадой. Артём видел, как его бывший мучитель сжал кулаки, но ничего не сказал.

После церемонии Артём подошёл к доске с результатами и демонстративно сфотографировал их на телефон. «Вот так, – подумал он, – справедливость существует».

Эта победа стала для Артёма моментом освобождения. Он наконец-то смог отпустить старые обиды, почувствовать себя сильнее тех издевательств, которые пережил. Теперь он знал: его талант и упорство победили.

Вечером, пересматривая фотографии с олимпиады, Артём понял – он больше не тот запуганный подросток. Он вырос, стал сильнее, и теперь его главная победа – не первое место в олимпиаде, а победа над собственными страхами и комплексами.

С тех пор Артём больше не вспоминал о Серёже. Его жизнь шла вперёд, наполненная новыми целями и достижениями. А старые школьные обиды остались в прошлом, став лишь частью истории его взросления.

В университете ситуация не изменилась. Хотя преподаватели ценили его ум и способности, однокурсники продолжали относиться к нему с презрением. На вечеринках его игнорировали или отпускали язвительные комментарии. Девушки, которых он пытался пригласить на свидание, смеялись ему в лицо.

Особенно больно было, когда он признался в чувствах Лене из параллельной группы, а она ответила: «Извини, но ты же знаешь, что я встречаюсь с Вовой. И вообще, ты какой-то странный».

Артём сидел в аудитории, рассеянно глядя на доску, где преподаватель выводил сложные формулы. Цифры и уравнения, которые раньше давались ему с такой лёгкостью, теперь казались бессмысленным набором символов.

«Почему я здесь?» – в который раз спрашивал он себя. Ответ был прост: родители. Их амбиции, их мечты о том, каким должен быть их сын.

Он вспоминал свои детские мечты – не о теоремах и интегралах, а о том, как бы он хотел запечатлеть мир во всей его красоте. Математика была для него лишь инструментом, способом убежать от реальности, но не призванием.

В то время как другие студенты восхищённо слушали лекции о теории чисел, Артём думал о том, как поймать идеальный кадр заката над городом. Когда все решали сложные уравнения, он мысленно выстраивал композицию будущего снимка.

«Ты же такой умный, Артёмка! Математик – это престижно, это стабильность!» – эти слова бати звучали в его голове как назойливая мелодия.

На занятиях он часто ловил себя на мысли, что завидует своим однокурсникам, которые действительно горели математикой. Они видели в числах красоту, понимали их язык, жили ими. А он… он просто умел с ними обращаться, как умели бы с любым другим инструментом.

Фотография же была его настоящей страстью. Там он чувствовал себя живым, там его душа пела. Каждый кадр был историей, которую он рассказывал миру.

Иногда он представлял, как мог бы жить, если бы не пошёл на поводу у родителей. Возможно, открыл бы свою маленькую фотостудию, путешествовал бы по миру с камерой, снимал бы то, что действительно важно для него.

Но теперь он был зажат между двумя мирами. С одной стороны – математика, в которой он был хорош, но к которой не чувствовал истинного призвания. С другой – фотография, ставшая его спасением, его истинным «я».

И сейчас, глядя на формулы, которые он мог бы решить с закрытыми глазами, Артём понимал: его место не здесь. Его место там, где свет и тень танцуют в объективе камеры, где

каждый кадр – это маленькая победа над временем, где математика отступает перед искусством.

Он знал, что должен сделать выбор. И хотя этот выбор мог стоить ему конфликта с родителями, он больше не мог притворяться, что математика – это его призвание. Потому что его призвание было написано на языке света и тени, а не чисел и формул.

К 20 годам Артём находился на грани нервного срыва. Он почти бросил учёбу на математическом факультете, чувствуя, что задыхается в этой атмосфере. Единственной отдушиной стала фотография. Камера в его руках словно давала ему силу. Через объектив он мог наблюдать за миром, оставаясь невидимым.

Фотография стала его спасением. Он начал замечать то, что другие пропускали: игру света и тени, красоту в обыденном, эмоции людей. Постепенно, кадр за кадром, Артём начал меняться. Он научился видеть красоту мира, и это помогло ему начать видеть красоту в себе.

Он часами бродил по городу с камерой, ловил моменты, которые другие пропускали. Особенно его увлекали снимки городских пейзажей в сумерках, когда город становился таинственным и загадочным.

В его душе разгорался огонь – огонь сопротивления, огонь желания наконец-то стать тем, кем он должен был быть. Слабый мальчик из прошлого исчезал, уступая место человеку, который больше не боялся быть собой.

Он начал выставлять свои работы в социальных сетях, и неожиданно нашёл поддержку в онлайн-сообществе фотографов. Это придало ему уверенности.

Зимой Артём понял, что, возможно, пришло время изменить свою жизнь. Он больше не хотел быть жертвой обстоятельств. Он хотел стать творцом своей судьбы.

В его жизни появились новые увлечения: он начал ходить в спортзал, чтобы укрепить не только тело, но и дух. Впервые за долгие годы он почувствовал вкус победы – не над другими, а над собой.

Артём нашёл единомышленников в фотоклубе при университете. Там он познакомился с Марией – девушкой, которая тоже видела красоту в простых вещах. Она не смеялась над его работами, а искренне восхищалась ими.

В его жизни начали происходить настоящие перемены. Артём, который когда-то боялся собственного отражения в зеркале, теперь смотрел на мир совершенно другими глазами.

Занятия в спортзале стали для него не просто физической нагрузкой – они помогли ему обрести уверенность в себе. Каждое поднятая гиря, каждый преодолённый километр на беговой дорожке приближали его к новой версии себя. Он больше не был тем запуганным мальчиком, который прятался от проблем.

В фотоклубе при университете он не только нашёл единомышленников, но и открыл в себе талант учителя. Молодые ребята с восхищением слушали его рассказы о композиции и свете, а он с удивлением обнаружил, что может делиться своим опытом и вдохновлять других.

Мария стала для него не просто другом по увлечению. Она видела в нём то, чего не замечали другие: талант, доброту, искренность. Её поддержка помогла ему поверить в себя как в личность, а не только как в фотографа.

Постепенно Артём начал выставлять свои работы на городских выставках. Его фотографии городских пейзажей, снятые в сумерках, привлекли внимание профессионального сообщества. Одна из его работ даже попала на обложку местного журнала о городской культуре.

Он начал вести блог о фотографии, где делился не только техническими приёмами, но и своими мыслями, переживаниями, историями из жизни. Читатели полюбили его за искренность и умение видеть прекрасное в простых вещах.

Работа в фотоклубе открыла в нём новые грани. Он понял, что может помогать другим преодолевать свои страхи и неуверенность. Многие ребята приходили к нему с похожими проблемами, и Артём, опираясь на собственный опыт, помогал им найти свой путь.

На втором курсе он окончательно перерос свою неуверенность. Тот запуганный мальчик из прошлого остался где-то далеко, в воспоминаниях.

Самое главное – он наконец-то научился любить себя. Не как объект насмешек или издевательств, а как человека, достойного счастья и уважения. Его история стала доказательством того, что даже самые глубокие раны могут зажить, а сломанные крылья – отрасти заново.

И хотя путь к себе был долгим и болезненным, Артём не жалел ни об одном пережитом моменте. Ведь именно эти испытания сделали его тем, кем он стал – человеком, который нашёл свой свет даже в самых тёмных уголках жизни.

Постепенно сеансы с психологом начали казаться Артёму пустой тратой времени. Его внутренний скептик всё громче шептал, что разговоры о снах и подсознании – это просто способ вытянуть из него деньги.

«Всё это ерунда», – думал он, листая фотографии на компьютере. – «Никаких сверхъестественных сил не существует. Просто совпадения, не более того».

Он начал находить всё больше рациональных объяснений происходящему. Странные снимки? Просто дефекты плёнки. Сны? Результат переутомления. Красная деревянная дверь? Обычное совпадение.

Когда Анна Сергеевна позвонила, чтобы договориться о следующей встрече, Артём не ответил. Потом отключил телефон. А когда она написала сообщение, просто удалил его, не читая.

«Хватит заниматься ерундой», – решил он. – «Нужно сосредоточиться на реальных вещах».

Артём с головой погрузился в рутину. Начал больше работать над заказами, занялся ремонтом в квартире, купил новую фототехнику. Он убедил себя, что именно так и должен поступать настоящий мужчина – решать проблемы через действие, а не через разговоры.

По вечерам он сидел за компьютером, разбирая фотографии, систематизируя файлы, создавая новые альбомы. Бытовые заботы поглотили его полностью. Он перестал обращать внимание на странные совпадения, игнорировал сны, убеждал себя, что всё это было временным помешательством.

Когда красная деревянная дверь снова появилась в его снах, он просто не стал их запоминать. Засыпал под громкую музыку, чтобы не слышать ночных шорохов, игнорировал странные блики на фотографиях, списывая всё на технические дефекты.

«Я сам хозяин своей жизни», – повторял он про себя. – «И не позволю каким-то снам или видениям управлять моими решениями».

Но где-то глубоко внутри он понимал, что просто убегает от проблем, прячется за стеной скептицизма. Однако эта мысль быстро тонула в рутине повседневных дел и забот.

Телефон продолжал молчать – Анна Сергеевна больше не звонила. А Артём был этому только рад. Теперь у него были дела поважнее, чем разговоры о снах и страхах. Или так он себе говорил.

Успех в фотографии открыл перед Артёмом новые горизонты. Его работы начали замечать не только в городе, но и за его пределами. Предложения о сотрудничестве сыпались одно за другим: рекламные агентства хотели использовать его снимки, галереи приглашали на выставки, а издательства просили делать фоторепортажи.

Но главное – он наконец-то почувствовал вкус настоящей жизни. Артём больше не прятался от людей, а учился общаться, заводить друзей, строить отношения. Его блог разрастался,

привлекая всё больше подписчиков, которые восхищались не только его фотографиями, но и тем путём, который он прошёл.

В спортзале он нашёл не только физическую силу, но и новых друзей. Ребята из его группы поддержки стали для него настоящей семьёй – они понимали его, поддерживали и верили в его успех. Вместе они организовывали фотосессии на спортивных мероприятиях, что приносило новые интересные кадры и укрепляло их дружбу.

Мария стала не просто подругой по интересам. Между ними завязались тёплые отношения, основанные на взаимном уважении и понимании. Она помогала ему видеть красоту не только в фотографиях, но и в реальной жизни, учила замечать мелочи, которые он раньше упускал.

Артём начал задумываться о создании собственной фотошколы. Идея казалась амбициозной, но вполне осуществимой. Он разработал программу обучения, нашёл подходящее помещение и начал набирать первую группу учеников.

Параллельно он работал над большой фотокнигой о Москве. Проект поглощал всё его время, но приносил невероятное удовлетворение. Каждая страница становилась историей, которую он рассказывал через свои снимки.

В личной жизни тоже намечались перемены. Артём больше не боялся проявлять инициативу, не стеснялся своих чувств и желаний. Он научился говорить «нет» и отстаивать свои границы – то, чего не мог сделать в детстве.

Его прошлое больше не определяло его будущее. Травмы и обиды остались позади, превратившись в опыт, который сделал его сильнее. Теперь он понимал: то, что не убивает, действительно делает сильнее.

Артём начал проводить мастер-классы не только по фотографии, но и по личностному росту. Его история вдохновляла других людей, помогала им поверить в себя и свои силы. Он рассказывал о своём пути, о преодолении страхов и неуверенности, о том, как важно не сдаваться.

На третьем курсе он создал нечто большее, чем просто фотошколу – он создал сообщество людей, объединённых общими интересами и ценностями. Здесь каждый мог найти поддержку, понимание и вдохновение.

И самое главное – он наконец-то научился жить полной жизнью, не оглядываясь на прошлое и не боясь будущего. Его история стала примером того, как можно преодолеть любые трудности и превратить свои слабости в сильные стороны.

Иногда Артём ловил себя на мысли, что его жизнь похожа на плохо смонтированный фильм. Всё казалось ненастоящим: его успехи в фотографии, отношения с Марией, даже собственные чувства.

«Может быть, я просто наблюдаю за чьей-то чужой жизнью через объектив камеры?» – думал он, глядя на свои снимки. Каждый кадр был идеальным, каждый момент пойман точно, но внутри оставалась пустота.

Он часто сидел ночами, перебирая фотографии на компьютере. Смотрел на свои работы и не мог понять: это действительно его жизнь или просто красивая постановка? Все эти прогулки с Марией, выставки, встречи с людьми – неужели это всё реально?

«Может быть, я до сих пор прячусь в школьном классе, а всё остальное – лишь плод моего воображения?» – эта мысль не давала ему покоя.

В такие моменты он доставал старый потрёпанный учебник по математике. Цифры и формулы казались единственными реальными вещами в его мире. Они не обманывали, не исчезали, не превращались в дым.

«Почему я не могу так же чётко видеть реальность?» – спрашивал он себя. Его мучили сомнения: настоящие ли его чувства к Марии, искренна ли её любовь к нему, или это просто ещё одна иллюзия?

Артём пытался найти ответы в философии, которую так презирал его отец. Он читал о майе – иллюзии бытия, о том, что всё в мире может быть не тем, чем кажется. Эти идеи пугали его, но в то же время находили отклик в его душе.

«Может быть, я сам создал эту реальность, чтобы спрятаться от настоящего мира?» – эта мысль приводила его в ужас. Он боялся признать, что всё, во что он верил, может оказаться выдумкой.

Но в глубине души он знал: даже если всё вокруг иллюзия, его чувства к фотографии настоящие. Камера никогда не лгала, она фиксировала моменты, которые нельзя было подделать. И в этом он находил своё спасение.

«Может быть, я просто должен принять, что моя реальность отличается от других?» – думал он, глядя в видоискатель. В конце концов, разве не в этом суть искусства – создавать собственную реальность, пусть даже она существует только в кадре?

В один из обычных дней Артём решил поэкспериментировать с самофотографированием. Он установил камеру на штатив, настроил таймер и выбрал удачный ракурс у окна. Свет был идеальным – мягкий, рассеянный, создающий уютную атмосферу.

Когда снимок был готов, он взглянул на экран и замер. На фотографии был он, но что-то было не так. Среди его русых волос отчётливо выделялась тонкая седая прядь. Артём прищурился, вгляделся внимательнее. «Наверное, освещение такое», – подумал он.

Он сделал ещё несколько снимков, но результат был тот же – эта странная седая прядь появлялась снова и снова. Артём начал нервничать. «Может, камера сбоит?» – промелькнула мысль.

Он подошёл к зеркалу, внимательно осмотрел свои волосы. Никаких седых прядей не было. Абсолютно никаких.

«Бред какой-то», – пробормотал он, нервно поправляя волосы привычным жестом.

Недолго думая, он удалил все фотографии с этой странной аномалией. «Просто глюк камеры», – убеждал он себя, хотя внутри что-то тревожно ёкнуло.

В тот вечер он старался не думать об этом инциденте. Но перед сном, лёжа в темноте, Артём снова вспомнил ту фотографию. Седая прядь словно преследовала его, всплывая в памяти яркими вспышками.

«Глупости, – прошептал он в темноту. – Просто игра света и тени. Ничего больше».

Он повернулся на другой бок, стараясь заснуть, но образ той фотографии всё равно преследовал его, пока сон не забрал его в свои объятия.

Казалось, судьба наконец-то улыбнулась Артёму. Его фотопроекты набирали популярность, блог рос, а фотошкола приносила удовлетворение и неплохой доход. Но в этой идиллии появилась тёмная туча – математический факультет.

Однажды утром, просматривая почту, он увидел письмо из деканата. «Требование о предоставлении академической задолженности» – гласил заголовок. Сердце ёкнуло. Артём давно откладывал решение проблемы с учёбой, погрузившись в мир фотографии.

Двенадцать предметов висели над ним, словно древние чудовища из забытых легенд:

Высшая математика – дракон с огненными уравнениями

Аналитическая геометрия – змей, оплетающий пространство координатными осями

Программирование – голем из строк кода

Теория вероятностей – химера случайных чисел

Дискретная математика – многоголовая гидра алгоритмов

Физика – великан формул и законов

Английский язык – гарпия академических текстов

История математики – древний страж знаний

Экономическая теория – жадный тролль зачётной ведомости

Философия – мудрая обезьяна логических парадоксов

Статистика – паук в паутине данных

Методы оптимизации – минотавр лабиринтов решений

Каждый из этих монстров требовал внимания, времени, сил. А у Артёма их почти не оставалось – фотошкола, выставки, мастер-классы, личные проекты.

Он сидел в своей студии, глядя на стопки учебников, и понимал: придётся выбирать. Бросить всё и погрузиться в учёбу или рискнуть и пойти на конфликт с университетом.

Но Артём уже изменился. Тот запуганный мальчик, который прятался от проблем, исчез. Теперь он знал – иногда нужно принимать сложные решения. И пусть эти двенадцать монстров кажутся непобедимыми, он готов сразиться с каждым из них, как когда-то сражался со своими страхами.

«Может, это и есть моё настоящее испытание?» – подумал он, открывая первую книгу. – «Не просто победить чудовищ, а найти баланс между мечтой и реальностью».

Впервые за долгое время Артём улыбнулся. Он понял – даже если придётся оставить математику, он не проиграет. Потому что уже победил самого главного монстра – свои страхи и неуверенность. А это важнее любых зачётов и экзаменов.

Однажды, роясь в старом бабушкином сундуке, Артём нашёл пожелтевшую тетрадь с загадочными записями. Буквы были выведены аккуратным почерком, но текст казался зашифрованным. Некоторые страницы были написаны на незнакомом языке, другие содержали странные символы и схемы.

«Наверное, бабушкины рецепты», – подумал он сначала, но что-то в этих записях наводило на мысль о чём-то большем.

Он пытался расшифровать записи, но безуспешно. Одна страница привлекла его особое внимание – на ней была нарисована та самая красная дверь, которую он видел во снах.

В тот же вечер, просматривая фотографии на компьютере, он случайно наткнулся на старый снимок бабушки. На заднем плане виднелась красная дверь, точно такая же, как в его снах и в тетради.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он пытался убедить себя, что это совпадение, но внутренний голос твердил обратное.

В другой раз, работая в фотостудии, он случайно обнаружил, что некоторые его снимки начинают меняться. На фотографиях появлялись странные блики, а иногда – едва заметные силуэты возле красной двери.

Он пытался объяснить это отражением или дефектом плёнки, но когда показал снимки Марии, она замерла:

– Артём, посмотри внимательно. Это же та самая дверь из твоих снов! Он отмахнулся:

– Просто совпадение. У меня много красных объектов на снимках.

Но в глубине души понимал – что-то происходит.

Однажды ночью его разбудил странный звук. В квартире было тихо, но он отчётливо слышал, как скрипит дверь. Выйдя в коридор, он увидел, что дверь его комнаты слегка приоткрыта, хотя он точно помнил, что закрывал её.

На стене он заметил едва заметный контур красной двери, который постепенно таял в воздухе.

Артём схватил фотоаппарат и сделал снимок. На утро на фотографии было только размытое пятно.

Но каждый раз, когда он был готов признать существование чего-то большего, его внутренний скептик брал верх. Он продолжал убеждать себя и окружающих, что всё это – просто совпадения, игра воображения и усталость.

Только наедине с собой он позволял себе задуматься: «А что, если всё это не случайно? Что, если есть вещи, которые нельзя объяснить простой логикой?»

Но даже в эти моменты он быстро брал себя в руки, возвращаясь к привычной роли скептика и реалиста.

Однажды, работая в фотостудии, Артём заметил нечто странное. Среди его старых негативов, которые он хранил в коробке на верхней полке, один начал светиться тусклым синим светом. Он достал его и положил на стол – негатив пульсировал, словно живое существо.

Артём, не веря своим глазам, взял фотоаппарат и сделал снимок светящегося негатива. Когда он проявил фото, на нём была изображена та самая красная дверь, но теперь она словно парила в воздухе, окружённая странным сиянием.

В ту же ночь ему приснился особенно яркий образ. Он стоял перед дверью, и на этот раз она была не просто красной – она излучала мягкий свет. Артём протянул руку, чтобы открыть её, но в последний момент проснулся в холодном поту.

На следующий день он обнаружил, что в его квартире появилась едва заметная красная линия на стене – контур той самой двери. Она была настолько тонкой, что исчезала, стоило только присмотреться внимательнее.

В фотостудии начали происходить необъяснимые вещи. Его камера иногда делала снимки без его участия. На фотографиях появлялись силуэты людей, которых не было в кадре, а иногда – размытые образы той самой двери в самых неожиданных местах.

Однажды, когда Мария пришла к нему в студию, она заметила эти аномалии:

– Артём, посмотри на эту фотографию. Здесь явно кто-то есть за твоей спиной, но я точно знаю, что в тот момент в студии были только мы.

Артём пытался найти логическое объяснение, но всё выглядело слишком подозрительно. Он начал замечать, что каждый раз, когда он делает снимок красной двери (даже если это просто дверь в старом доме), на фотографии появляется едва заметное свечение.

В его снах дверь становилась всё более реальной. Он начал слышать шёпот за ней, чувствовать запахи, которых не должно было быть. Однажды во сне он даже коснулся ручки двери – она была тёплой и вибрировала под его пальцами.

В его жизни начали происходить странные совпадения. Предметы перемещались сами собой, часы останавливались в одно и то же время, а на фотографиях появлялись всё новые и новые намёки на существование чего-то сверхъестественного.

Артём пытался бороться с этими явлениями своим скептицизмом, но чем больше он отрицал происходящее, тем сильнее становились аномалии. В конце концов он пришёл к выводу, что, возможно, его отрицание только усиливает эти явления, словно создавая барьер между ним и правдой, которую он боялся принять.

Но он продолжал держаться за свой скептицизм, боясь того, что может произойти, если он признает существование того, что не может объяснить наука.

Артём долго сопротивлялся идее пойти к психологу. Его внутренний скептик твердил, что это пустая трата времени, но необъяснимые события становились всё чаще, а тревога нарастала.

В конце концов он записался на приём к психологу Анне Сергеевне. Она встретила его в светлой, уютной комнате, где каждая деталь казалась продуманной для создания атмосферы доверия.

– Расскажите, что вас беспокоит, – мягко начала Анна Сергеевна, когда Артём устроился в кресле напротив.

Он начал с того, что его тревожат странные сны и необъяснимые явления, но быстро перешёл к своему основному скепсису:

– Я понимаю, что всё это звучит безумно. Наверное, я просто переутомился или схожу с ума.

Психолог внимательно слушала, не перебивая. Когда Артём закончил свой рассказ, она задала неожиданный вопрос:

– А что, если эти сны и явления – это не просто случайности? Что, если ваше подсознание пытается вам что-то сказать?

Артём напрягся. Он не был готов к такому повороту разговора.

– Вы же не верите в эту мистическую чепуху? – спросил он с вызовом.

– Я верю в то, что у каждого явления есть причина. Иногда эта причина лежит не в области физики или химии, а в области психологии и подсознания.

На следующих сеансах они разбирали его детские травмы, отношения с родителями и то, как его скептицизм стал защитным механизмом. Анна Сергеевна помогла ему понять, что его отрицание всего сверхъестественного – это способ защититься от боли и неуверенности.

Постепенно Артём начал открываться. Он рассказывал о своих снах, о странных фотографиях, о тетради бабушки. Психолог не пыталась объяснить эти явления с научной точки зрения, но помогала ему принять их как часть своего внутреннего мира.

– Возможно, ваша связь с фотографией – это не просто хобби. Может быть, через объектив камеры вы пытаетесь понять не только внешний мир, но и себя? – спросила она однажды.

Эта мысль поразила Артёма. Он никогда не думал об этом в таком ключе.

В процессе терапии Артём начал замечать, что его отношение к происходящему меняется. Он всё ещё оставался скептиком, но теперь был готов рассмотреть другие точки зрения. Он перестал бороться с необъяснимыми явлениями и начал их изучать.

Психолог научила его техникам осознанных сновидений, и вскоре Артём смог контролировать свои сны. Он снова увидел красную дверь, но теперь был готов к встрече с ней.

– Может быть, эта дверь – это метафора чего-то важного в вашей жизни? – предположила Анна Сергеевна.

Артём не знал ответа, но был готов искать его. Впервые за долгое время он почувствовал, что движется в правильном направлении, пусть даже это направление ведёт его в неизведанную территорию.

На следующий день, когда Артём вернулся домой после загадочных событий у красной двери, его ждал неприятный сюрприз. Батя сидел в гостиной, перебирая какие-то бумаги, и его лицо было мрачнее тучи.

– Ну что, герой фотографии, – процедил он, бросая на стол распечатку письма из университета. – Доволен своими успехами?

Артём почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Он знал, что рано или поздно отец узнает о его проблемах с учёбой, но надеялся оттянуть этот момент.

– Бать, я…

– Молчать! – батя ударил кулаком по столу. – Ты думаешь, мы с матерью для того тебя в этот университет пропихнули, чтобы ты фотовспышками щёлкал?

Артём сжал кулаки. Он так устал от этих бесконечных упрёков.

– У тебя есть два варианта, – батя наклонился вперёд, сверля его взглядом. – Либо ты берёшь себя в руки и закрываешь все эти чёртовы долги, либо…

Он сделал паузу, наслаждаясь моментом.

– Либо я лично позабочусь о том, чтобы ты пошёл работать в такси. Будешь развозить всяких пьяных по домам и мечтать о своей фотографии!

Артём почувствовал, как внутри закипает злость.

– Ты не понимаешь! Фотография – это моё призвание!

– Призвание? – отец рассмеялся, но в его смехе не было ни капли веселья. – А кто платить за квартиру будет? Кто кормить тебя будет, когда твоя фотография никому не понадобится?

В комнате повисла тяжёлая тишина. Артём понимал, что батя прав в одном – финансовая сторона вопроса действительно важна. Но как объяснить человеку, который видит только цифры и факты, важность творчества?

– Дай мне время, – тихо произнёс он. – Я разберусь со всеми долгами, но не брошу фотографию.

Батя долго смотрел на него, словно пытаясь прочитать мысли.

– У тебя месяц, – наконец сказал он. – Один месяц на закрытие всех задолженностей. И не дай бог ты меня подведёшь…

Артём кивнул, хотя внутри всё кипело. Теперь у него было не двенадцать, а тринадцать монстров – и самый опасный из них сидел сейчас перед ним, грозно сверкая глазами.

Их прогулки по Москве стали своеобразным ритуалом. Артём и Мария находили особое очарование в том, чтобы исследовать город вместе, открывая его новые грани через объектив камеры.

Они начинали обычно с утра, когда город ещё не успел погрузиться в суету будней. Их маршруты были непредсказуемы – то они бродили по узким улочкам Замоскворечья, то забирались на крыши старинных домов в центре, то терялись в лабиринтах арбатских переулков.

Мария любила, когда они приходили на набережную ранним утром. Она садилась на парапет, а Артём кружил вокруг, пытаясь поймать идеальный кадр, где солнце отражается в воде, создавая тысячи бриллиантовых бликов.

В парке Горького они часто устраивали импровизированные фотосессии. Артём учил Марию позировать, а она в ответ показывала ему, как можно увидеть красоту в самых обычных вещах: в каплях дождя на листьях, в паутине между деревьями, в отражениях в лужах.

Они обожали бродить по крышам старинных домов, откуда открывались потрясающие виды на город. Артём делал панорамные снимки, а Мария рассказывала истории о зданиях, которые они видели.

Их любимым местом стала старая лестница у храма Христа Спасителя. Они часто сидели там, наблюдая за тем, как меняется город с наступлением вечера. Мария любила, когда огни фонарей начинали отражаться в воде, создавая магическую атмосферу.

В дождливые дни они укрывались в арках старых домов, где Артём делал атмосферные снимки мокрых улиц, а Мария делилась своими мыслями о том, как погода влияет на настроение города.

Они исследовали подземные переходы, находили секретные дворы-колодцы, забирались в парки, известные только местным. Каждый их поход превращался в маленькое приключение, где они открывали для себя новые ракурсы, новые истории, новые чувства.

Мария научила Артёма видеть красоту в простых вещах, а он показал ей, как можно запечатлеть эту красоту навсегда. Их совместные прогулки стали не просто хобби – они превратились в особый язык общения, где фотографии говорили больше, чем слова.

Иногда они просто сидели на скамейке в парке, наблюдая за людьми, за птицами, за игрой света и тени. Артём делал снимки, а Мария писала короткие истории к ним, создавая своеобразный дневник их отношений.

Эти прогулки помогали Артёму отвлечься от проблем с учёбой, а Марии – лучше понять его внутренний мир. Они становились ближе не только физически, но и духовно, находя в друг друге поддержку и вдохновение.

В их отношениях иногда возникали небольшие разногласия, особенно когда речь заходила о разных взглядах на жизнь. Мария была увлечена астрологией и верила в силу звёзд, в то время как Артём относился к этому с явным скептицизмом.

– Знаешь, сегодня Меркурий в ретроградном движении, поэтому у меня всё идёт не так, – как-то раз поделилась Мария, нахмурив брови.

Артём не смог сдержать усмешку:

– Да брось, это всё выдумки. Наука давно доказала, что гороскопы – просто способ заработать на доверчивых людях.

Мария слегка обиделась, но промолчала. Она ценила его честность, даже когда та задевала её чувства.

В другой раз, когда они гуляли по парку, Мария снова заговорила о звёздах:

– А ты знаешь, что Стрельцы очень творческие люди?

– Творческие? – Артём фыркнул. – По-моему, творчество – это не про знак зодиака, а про талант и труд. Вот фотография – это настоящее искусство, а не эти ваши гороскопы.

Мария остановилась и посмотрела на него:

– Ты всегда так категоричен?

– Просто не люблю, когда люди прячутся за звёздами вместо того, чтобы брать ответственность за свою жизнь, – серьёзно ответил Артём.

Несмотря на его насмешки, Мария продолжала верить в силу астрологии. Она понимала, что для Артёма важны только факты и доказательства, и это было частью его очарования. Его страсть к фотографии, его умение видеть красоту в простых вещах казались ей гораздо более реальными, чем любые звёздные предсказания.

Иногда она даже специально заводила разговоры о гороскопах, чтобы увидеть, как он морщит нос и начинает спорить. В эти моменты он становился особенно живым, его серые глаза загорались, а пальцы нервно перебирали прядь волос – верный признак того, что тема ему действительно интересна.

Мария прощала ему его скептицизм, потому что знала: за его словами скрывается искренняя вера в то, во что он действительно верил – в искусство фотографии, в способность запечатлеть момент, в возможность через объектив увидеть то, что другие пропускают. И этого было достаточно, чтобы принять его таким, какой он есть.

Мария любила звук контрабаса – глубокий, бархатистый, обволакивающий. По вечерам она подрабатывала в одном из модных клубов в центре Москвы, где её инструмент становился частью особой атмосферы.

Большой деревянный корпус контрабаса казался продолжением её самой. Она бережно относилась к своему инструменту, который достался ей от отца – старого джазового музыканта. Перед каждым выступлением она тщательно настраивала струны, протирала гриф мягкой тканью и проверяла смычок.

В клубе она играла в составе джаз-бэнда. Их выступления начинались поздно вечером, когда город погружался в полумрак, а в зале собирались искушённые меломаны. Мария чувствовала, как музыка наполняет пространство, как её вибрации проходят через всё тело.

Артём сначала относился к её работе скептически.

– Ночные клубы? – морщился он. – Это же несерьёзно.

Но однажды он пришёл на её выступление. Сидел в углу зала, наблюдая, как она растворяется в музыке. В эти моменты она была совершенно другой – уверенной, свободной, прекрасной. Её пальцы летали по струнам, а смычок выписывал в воздухе причудливые узоры.

После концерта Артём подошёл к ней за кулисы:

– Знаешь, ты была потрясающей. Совсем не похожа на ту застенчивую девушку, которую я знаю. Мария улыбнулась, прижимая к себе контрабас:

– Музыка – это моя вторая кожа. Здесь я могу быть собой.

С тех пор Артём стал чаще приходить на её выступления. Он научился ценить то, как музыка меняет её – делает сильнее, увереннее, раскрывает новые грани её характера. Иногда он даже просил разрешения сфотографировать её во время игры, ловя те моменты, когда смычок касался струн, а её лицо освещалось софитами.

Работа в клубе давала ей не только дополнительный доход, но и возможность быть частью музыкального мира, который она так любила. А для Артёма это стало ещё одним поводом восхищаться ею – не только за её способность видеть красоту в простых вещах, но и за её талант создавать эту красоту своими руками.

Артём часто ездил на такси к университету. Водитель, пожилой мужчина с седой бородой и живыми глазами, всегда узнавал его и приветливо улыбался.

– Опять на лекции? – спросил таксист, когда Артём сел в машину.

– Да, на математику, – ответил Артём, пристегиваясь.

– А я вот всегда говорил, что цифры – это не главное в жизни, – неожиданно начал водитель. – Вот вы верите, что прошлое можно прочитать?

Артём усмехнулся:

– Вы про гадания? Нет, не верю. Прошлое – оно уже случилось, его не изменишь.

Таксист покачал головой:

– А я вот верю. Знаете, сколько раз я видел, как люди находят ответы в прошлом? Как будто судьба оставляет нам подсказки.

– Это просто совпадения, – возразил Артём. – Наука говорит, что всё подчиняется законам физики.

– Наука, наука… – пробурчал водитель. – А как же интуиция? Вы никогда не чувствовали, что что-то должно произойти?

Артём задумался. Вспоминал свои сны, странные фотографии…

– Допустим, чувствую. Но это просто работа мозга, обработка информации.

– А будущее? – не унимался таксист. – Вы можете точно сказать, что будет завтра?

– Нет, но я могу просчитать вероятности.

– Вот! – водитель поднял палец. – Просчитать, но не знать наверняка. А я вот верю, что всё уже написано. Как в книге.

– Тогда зачем мы вообще что-то делаем? – парировал Артём. – Если всё предрешено?

Таксист улыбнулся:

– А вот тут вы ошибаетесь. Мы можем выбирать, как реагировать на то, что предначертано.

Артём помолчал, глядя в окно. В словах водителя была странная логика.

– А вы когда-нибудь видели знаки? – вдруг спросил таксист.

– Какие знаки?

– Ну, например, повторяющиеся числа на часах, странные совпадения…

Артём напрягся. Вспомнил свои сны, красную дверь, фотографии…

– Бывают совпадения, – уклончиво ответил он.

– Не просто совпадения, – покачал головой водитель. – Вселенная разговаривает с нами. Главное – услышать.

До университета оставалось пару минут езды. Артём не знал, что ответить. Впервые его скептицизм дал серьёзную трещину.

– Спасибо за разговор, – сказал он, выходя из машины. – Над этим стоит подумать.

– Подумайте, – кивнул таксист. – Иногда ответы лежат там, где мы меньше всего ожидаем их найти.

Машина тронулась, а Артём всё стоял, глядя вслед уезжающему такси. В его голове крутились слова водителя, смешиваясь с собственными мыслями и сомнениями.

Сны о красной деревянной двери становились всё более навязчивыми. Каждую ночь Артём видел её в разных местах: в заброшенных домах, на чердаках старых зданий, даже в неожиданных местах вроде библиотек или кафе. И каждый раз дверь манила его, словно обещая раскрыть какую-то важную тайну.

Сначала он пытался объяснить эти сны рационально. «Просто совпадение», – убеждал он себя. «Может, недавно видел похожую дверь где-то в городе». Но с каждым новым сном его скептицизм начинал давать трещины.

Особенно его беспокоило то, как эти сны переплетались с его реальностью. Иногда он замечал красные деревянные двери в реальной жизни там, где их раньше не было. Или они появлялись в местах, где он совсем не ожидал их увидеть.

«Это просто совпадение», – твердил он себе, но внутри что-то сопротивлялось этому объяснению. Его научный склад ума боролся с необъяснимыми явлениями, которые он не мог ни доказать, ни опровергнуть.

Когда Мария однажды заговорила о значении повторяющихся снов в астрологии, Артём привычно фыркнул:

– Опять твои выдумки. Сны – это просто работа подсознания, не более того.

Но в глубине души он понимал, что не может игнорировать эти видения. Они были слишком реальными, слишком настойчивыми.

Он пытался анализировать свои сны с научной точки зрения: записывал даты, время, обстоятельства. Но никакой логической цепочки не вырисовывалось. Всё выглядело как случайный набор образов, связанных только красной дверью.

В такие моменты его внутренний конфликт достигал пика. С одной стороны – твёрдо усвоенный скептицизм, с другой – необъяснимые явления, которые он не мог игнорировать.

«Может, я просто схожу с ума?» – иногда думал он, но тут же отбрасывал эту мысль как несостоятельную.

В конце концов он пришёл к компромиссу: не признавать существование магии, но и не отрицать необъяснимые явления. Он продолжал считать свои сны просто снами, хотя глубоко внутри понимал, что они могут значить гораздо больше, чем он готов был признать.

Мария преподнесла ему подарок – пару изящных розовых перчаток. Артём удивлённо приподнял бровь:

– Почему именно розовые?

Она смущённо пожала плечами:

– Других цветов не было в тот момент. А что? Они тебе не нравятся?

Артём задумчиво повертел перчатки в руках. Что-то в этом подарке было… особенное. Не сам предмет, а то, как Мария выбрала именно их, словно ведомая невидимой силой.

Вечером, когда сумерки окутали город своим серым покрывалом, он отправился к той самой красной деревянной двери. Она появлялась в его снах всё чаще, маня своей таинственностью и обещая раскрыть какую-то важную тайну.

Дверь стояла в закоулке старого района, словно портал в другое измерение. Артём осторожно положил перчатки на верхнюю ступеньку крыльца, где они выглядели как два розовых лепестка на фоне тёмного камня.

«Может, это знак?» – подумал он, отступая на шаг назад.

В этот момент что-то изменилось. Воздух вокруг двери будто сгустился, став почти осязаемым. Деревянная поверхность начала светиться мягким, приглушённым светом, а перчатки, словно живые, медленно поднялись в воздух.

Артём замер, не в силах пошевелиться. Происходящее казалось одновременно и сном, и реальностью. Перчатки закружились в странном танце, а затем дверь медленно приоткрылась, издав протяжный скрип, похожий на шёпот древних тайн и исчезли.

Он знал – это только начало чего-то большего. То, что казалось простым подарком, оказалось ключом к чему-то гораздо более значимому. И теперь перед ним стоял выбор: войти в дверь или отступить, сохранив всё как есть.

Но Артём уже понял – отступать на этот раз он не намерен.

глава 3: Мастер теней.

В тот день небо над особняком Велесовых было особенно тёмным, словно само мироздание предчувствовало грядущие события. Маленькому Родиону было всего семь лет, но даже тогда в его глазах уже читалась та же жажда власти, что позже поглотит его целиком.

Особняк стоял в самом сердце Теньтильщиков – там, где переулки сплетались в лабиринт, а воздух густел от запаха трав и металла. Его волнообразные линии напоминали подводные течения, а узкие окна, похожие на глаза глубин, следили за каждым, кто осмеливался подойти слишком близко. Над крышей вился едва заметный туман – не то испарения из алхимической лаборатории, не то дыхание самого дома, пропитанного древней магией.

Самая старшая из ныне живущих в магическом мире Москвы, бабушка Артемиуса Радомирова – Ярослава Ильинична – нашла его в потайной молельне, скрытой за поворотным шкафом в кабинете отца. Здесь, под слоями заклинаний и старинных икон, хранились фолианты, зелья и инструменты рода Велесовых.

Вокруг, как всегда, царила особая атмосфера: в переулках мерцали разноцветные флаконы-вывески, а из глубины местного колодца доносился едва уловимый шёпот – будто кто-то пересказывал чужие страхи.

Мальчик стоял перед древним фолиантом, страницы которого мерцали багровым светом. Его маленькие пальцы были в крови – он порезал ладонь ритуальным ножом, который украл из кабинета отца. Кабинет, расположенный на первом этаже, славился коллекцией реторт, колб и засушенных трав. Тяжёлая дубовая дверь с резным узором в виде переплетённых змей открывалась только по отпечатку ладони хозяина. Внутри царил полумрак, рассекаемый светом из окон с переплётами-водорослями; на стенах висели схемы алхимических превращений, а на полках стояли сосуды с субстанциями, переливавшимися всеми оттенками радуги.

– Что ты делаешь, дитя? – голос Ярославы прозвучал как удар хлыста.

Родион вздрогнул, но не отступил. Его глаза горели нездоровым блеском:

– Я… я хотел вызвать духа. Все говорят, что я особенный, что во мне течёт кровь богов.

Ярослава медленно подошла к нему. В полумраке молельни её силуэт отбрасывал причудливую тень – ту самую, что в полночь в Теньтильщиках оживала и принимала формы зверей. Взгляд старухи был полон печали. Она знала: тьма уже положила на мальчика свою руку.

– Слушай меня внимательно, – произнесла она, беря его окровавленную руку. – Тёмная магия – это путь, с которого нет возврата. Каждый шаг в её сторону оставляет след на твоей душе, который никогда не исчезнет.

Она начала заговаривать рану, но кровь не останавливалась – казалось, сама тьма питалась от боли ребёнка. Где-то вдали, будто в ответ на ритуал, зазвучал тихий звон: это флаконы на улицах Теньтильщиков задрожали, их содержимое переливалось, предупреждая о нарушении запретов. Не принимать дары-снадобья от незнакомцев; не смешивать зелья без знания «ядра» рецепта – гласили древние правила, но Родион уже переступил черту.

– Ты обладаешь великим даром, – продолжала Ярослава, – но с ним приходит и великая ответственность. Те силы, с которыми ты хочешь играть, могут поглотить тебя целиком.

В тот момент фолиант в руках Родиона затрещал, страницы начали гореть, не сгорая. Мальчик закричал от боли, когда древняя магия попыталась вырваться наружу. Где-то за стенами, в лабиринте переулков, тени домов вздрогнули, на мгновение приняв очертания когтистых лап и оскаленных пастей.

Ярослава, используя все свои силы, запечатала книгу, но было уже поздно – искра тьмы, зажжённая в тот день, разгорелась в полноценный пожар.

– Помни мои слова, – прошептала она, глядя в глаза внуку. – Тёмная магия забирает больше, чем даёт. Она требует жертв, и однажды ты поймёшь, что цена оказалась слишком высока.

В тот роковой день лаборатория наполнилась запахом горелой плоти и жжёного металла. Родион Велесов, поглощённый созданием нового зелья, не заметил, как ядовитые пары начали разъедать его глаза. Лаборатория, укрытая в подземном ярусе особняка, была его святилищем. Здесь, среди полок с ретортами, склянками и засушенными кореньями, он проводил дни и ночи, смешивая ингредиенты, записывая наблюдения и шепча заклинания.

Стены лаборатории были украшены руническими печатями, стилизованными под растительные мотивы модерна, – они приглушали звуки, и никто не слышал его бормотания. Над массивным столом из чёрного дерева, испещрённым царапинами от бесчисленных экспериментов, висел хрустальный шар, наполненный мерцающей жидкостью. Он служил индикатором уровня магического напряжения в помещении: когда шар начинал пульсировать багровым, это означало, что очередной эксперимент вышел из-под контроля.

В центре комнаты извивалась лестница-волна, ведущая наверх, к кабинету. На её вершине, подобно медузе, свисал светильник с щупальцами-проводниками магической энергии. Его тусклое свечение окрашивало пространство в сине-зелёные тона, напоминающие глубину океана.

– Нет… нет… – шептал он, падая на колени. – Только не это…Сначала появилось жжение, потом ослепляющая боль. Он схватился за лицо, но было поздно – зрение покидало его, оставляя лишь тьму.

– Мой… мой дар… – прохрипел Велесов. – Всё из-за проклятого зелья…Вбежавший на шум Богдан застыл в ужасе, увидев отца, корчащегося от боли. – Отец… что случилось? – его голос дрожал.

– Я найду способ, – шептал Родион сквозь стиснутые зубы. – Найду…Дни превратились в вечность. Он лежал в темноте, терзаемый болью и яростью. Но даже слепота не могла сломить его волю.

И он нашёл. Через месяц мучительных экспериментов, держась за руку сына, он создал новое зелье. Лаборатория к тому времени изменилась: некоторые склянки лопнули от напряжения, символические печати на стенах потрескались, а в углах появились тени, которых раньше не было. Они шевелились, будто прислушиваясь к каждому слову. В центре комнаты, где прежде стоял стол, теперь зияла воронка из искривлённого пространства – последствие неудачного эксперимента.

– Держи меня, Богдан, – прохрипел он. – Это будет больно.

Капли яда коснулись его глаз. Боль была невыносимой, но через несколько мгновений…

– Я вижу… – прошептал Велесов, глядя на сына. – Вижу яснее, чем раньше.

Но Богдан видел то, чего не замечал отец – в глазах Родиона появилась новая тьма, более глубокая и древняя. В ту ночь, лёжа в своей постели, Богдан дал клятву:

– Я не буду как ты, отец. Твоя сила – это проклятие. Я найду другой путь.

Он не знал, слышит ли его отец, но чувствовал, что должен произнести эти слова.

А Велесов, словно услышав мысли сына, лишь усмехнулся:

– Ты ещё слишком молод, чтобы понимать. Темная сила – это мощь нашего рода. И однажды ты это поймёшь.

Но Богдан молчал. В его душе крепла решимость идти своим путём, подальше от тёмных троп отца. Он будет хранить свою клятву, даже если придётся скрывать её от самого близкого человека. С этого дня в их отношениях появилась трещина – невидимая, но глубокая. Богдан продолжал помогать отцу, но в его сердце уже зародилась собственная сила, не связанная с ядами и тёмной магией.

Судьба свела их в месте, где искусство переплеталось с магией. Злата Черноборова преподавала в древней музыкальной школе . Здание, возведённое ещё в эпоху первых алхимиков-музыкантов, стояло на Набережной Звёздного Тумана – где реальность мягко перетекала в иное измерение.

Её тонкие пальцы легко скользили по нотам, а голос, словно мелодия арфы, очаровывал даже самых строптивых учеников. Стены школы хранили эхо веков: в тихие часы можно было услышать призрачные аккорды давно ушедших виртуозов, а в зеркалах иногда проступали силуэты музыкантов в старинных нарядах.

Набережная Звёздного Тумана тянулась вдоль невидимой грани между мирами. В сумерках над водой стелился серебристый туман, в котором мерцали крохотные звёзды – не небесные, а рождённые из звуков музыки и шёпота древних заклинаний. Туман то сгущался, образуя арки, то расступался, открывая выходы к настоящим набережным Москвы-реки: к Космодамианской, Раушской, Садовнической – там, где магия обретала плоть, а реальность становилась податливой, как воск.

Родион пришёл туда не случайно. Его младший брат Илларион, подающий надежды молодой целитель рода Велесовых, готовился к своему первому публичному выступлению. Но истинная причина появления Велесова была иной – он почувствовал её задолго до того, как увидел.

Злата была необычна. Её энергия, словно чистый кристалл, искрилась в воздухе, привлекая внимание даже сквозь защитные барьеры школы. Когда их взгляды встретились, Родион понял – это судьба.

Она поразила его не только красотой, но и силой духа. В её глазах читался ум, а в движениях чувствовалась внутренняя мощь, которую так редко встретишь у простых смертных.

После выступления брата Родион не смог уйти. Он нашёл предлог задержаться, наблюдая за Златой издалека. Её грация, её манера держаться, даже то, как она поправляет выбившуюся прядь каштановых волос – всё это сводило его с ума.

Их первая встреча наедине произошла в школьном саду – месте, где время текло иначе. Здесь росли деревья с листьями-нотами: при дуновении ветра они издавали тихие мелодии, а в полнолуние расцветали цветы, чьи лепестки светились мягким светом. Злата проверяла инструменты, а Родион якобы «случайно» оказался рядом. Их разговор начался с обсуждения музыки, но быстро перерос в нечто большее.

Он был очарован её умом, её способностью видеть суть вещей. Злата же почувствовала в нём силу, которая одновременно пугала и притягивала её.

Их ухаживание было необычным. Родион, обычно холодный и расчётливый, проявлял неожиданную нежность. Он дарил ей не просто цветы, а редкие магические растения, чьи лепестки светились в темноте, а аромат пробуждал забытые воспоминания.

День выдался удивительно ясным – словно сама природа решила подчеркнуть торжественность момента. Фонтан, окружённый мягким полукругом старинных лип, выглядел особенно величественно: его белоснежные колонны отбрасывали чёткие тени на брусчатку, а вода в чаше переливалась всеми оттенками аквамарина под лучами полуденного солнца.

Злата стояла у самого края фонтана, и её платье цвета топлёного молока казалось продолжением мраморных линий ротонды. Лёгкий ветер играл с шёлковой лентой, перехватывающей её каштановые волосы, а в руках она держала букет белых лилий – тех самых, что Родион тайно заказывал в оранжереях Теньтильщиков. Каждый цветок светился изнутри едва заметным перламутровым сиянием – молчаливое напоминание о магии, связавшей их судьбы.

Родион подошёл неслышно. Его чёрный сюртук с серебряной вышивкой напоминал ночное небо, усеянное звёздами, а в глазах отражалась та же безмятежная глубина, что и в водах фонтана. Он взял её за руку – прикосновение было тёплым, почти обжигающим – и прошептал:

– Теперь ты навсегда моя.

Вокруг царила удивительная тишина, будто весь мир затаил дыхание. Даже городской шум – грохот экипажей, голоса торговцев, перезвон трамвайных вагонов – растворялся в мелодичном журчании воды. Только фонтан тихо напевал свою вечную песню, перекатывая капли по мраморным уступам.

Ритуал начался с малого: они опустили ладони в чашу фонтана. Вода вздрогнула, на миг став прозрачной как стекло, а затем вспыхнула тысячами крошечных искр. Это было древнее заклинание единения – не из книг Велесовых, а из тех забытых времён, когда музыка и магия были одним целым. Искры поднимались вверх, зависали в воздухе и превращались в крохотные светящиеся ноты, кружившие над их головами.

– Пак-тум кор-дис – произнесла Злата, и её голос слился с перезвоном водяных струй. – эт-фак-ти.

– Эт-фак-ти, – повторил Родион, и его тень на колонне ротонды на мгновение удлинилась, будто обнимая их обоих.

Когда последние искры растаяли в воздухе, фонтан издал тихий, почти человеческий вздох, а вода вновь стала обычной – кристально-чистой, но уже не волшебной. Только в глубине ещё мерцали отблески их обещания.

Гости, до того молча наблюдавшие за церемонией, зааплодировали. Кто-то пустил в воздух горсть лепестков роз, и они опустились на воду, превратив фонтан в миниатюрное розовое море.

Но даже среди смеха и поздравлений Злата уловила тень, скользнувшую по лицу Родиона. Она знала: это не просто игра света. Где-то в глубине его глаз, как и в глубинах фонтана, таилось то, о чём он не говорил вслух.

А фонтан продолжал петь – теперь уже другую мелодию.

В глубинах его души таилась тьма, древняя и могущественная, питаемая веками обид и предательств. Родион Велесов был как чёрная дыра – всё, к чему он прикасался, поглощалось его жаждой власти и мести.

Его библиотека хранила запретные знания, защищённые древними печатями и проклятиями. Каждая книга здесь была написана кровью, каждая страница хранила секреты, способные уничтожить целые династии.

По ночам он проводил ритуалы, от которых даже стены его особняка содрогались. Он вызывал существ из самых тёмных уголков мироздания, заключал с ними сделки, цена которых была неизмеримо высока.

В самой глубине его лаборатории, за семью печатями и защитными барьерами, хранился арсенал древних артефактов. Каждый из них был пропитан кровью и страданиями, каждый нёс в себе частицу тёмной души своего создателя.

В центре помещения возвышался Кристалл боли – многогранный кристалл кроваво-красного цвета, пульсирующий в такт чьим-то неслышимым крикам. Родион знал каждую грань этого создания, каждое углубление на его поверхности. Кристалл питался от страданий жертв, превращая их боль в чистую магическую энергию. Когда кристалл наполнялся, его сияние становилось ярче, а воздух вокруг тяжелел от концентрированной силы.

На специальном постаменте стояло Зеркало душ – чёрное, бездонное, словно сама ночь. Его поверхность не отражала свет, а поглощала его, открывая взору смотрящего самые потаённые страхи и тёмные желания противника. Родион часто использовал это зеркало перед важными встречами, чтобы узнать слабости своих врагов и использовать их против них же.

В отдельном саркофаге покоилась Книга теней – древний фолиант, чьи страницы были сделаны из человеческой кожи. В ней хранились души тех, кто осмелился противостоять роду

Велесовых. Каждая страница пульсировала собственной жизнью, а имена жертв были написаны их собственной кровью. Книга шептала по ночам, рассказывая истории о победах и поражениях, о силе и власти.

Магия Родиона была особенной – она питалась от ненависти и страданий. Каждое его заклинание оставляло после себя след из пепла и боли. Когда он творил чары, воздух вокруг него искажался, а тени становились плотнее, словно пытаясь укрыться от его силы.

В его руках даже простейшие заклинания превращались в орудия пыток. Тёмная энергия окутывала его, как вторая кожа, делая почти неуязвимым для обычных атак. Но цена этой силы была высока – с каждым использованием тёмной магии его душа всё больше черствела, а сердце становилось холоднее льда.

И всё же Родион не останавливался. Он продолжал свои эксперименты, создавая новые зелья и артефакты, каждый из которых был страшнее предыдущего. Его лаборатория становилась всё больше, а коллекция артефактов пополнялась новыми, ещё более могущественными предметами, питающимися от боли и страданий невинных душ.

Дни тянулись подобно вечности, пока Велесов-старший ткал свою паутину лжи и обмана. Словно паук-отравитель, он раскидывал липкие нити по всему городу, каждая из которых несла в себе яд его ненависти и жажду мести. Его прихвостни, словно тени в ночи, просачивались в самые потаённые уголки, собирая обрывки сведений, словно куски плоти для жертвенного алтаря.

Когда Артемиус Радомиров развернул древний свиток, пергамент затрепетал в его руках, будто сердце умирающего, покрытое коркой запекшейся крови. Буквы проступали на нём, окрашенные багрянцем, словно написанные кровью невинных дев:

«Родион, сын Васильев, брат Илларионов, из рода Велесовых готовит сонное зелье. В час полнолуния яд, убивающий оракулов, будет готов. Он смешает кровь с пеплом и добавит слёзы забытых»

Артемиус действовал стремительно, как волк, преследующий добычу по следу крови. Он воздвигал защитные барьеры, словно стены из иероглифов, обновлял древние печати, готовясь к битве, где каждый вздох мог стать последним, а каждая капля пота – предвестником смерти.

Но судьба сыграла с ним злую шутку. Следя за Велесовым, он увидел не создание яда, а приготовление противоядия. Или так казалось…

– Кто-то намеренно ввёл тебя в заблуждение, – произнёс Велесов, не оборачиваясь, его голос звучал как погребальный звон, разносящийся по катакомбам. – Это зелье – улучшает память.

Его слова повисли в воздухе, словно капли яда на кончике кинжала. В лаборатории царила атмосфера древнего ритуала, где каждая тень хранила свои тайны, а каждый шорох мог оказаться предвестником смерти.

Велесов умел создавать иллюзии, настолько правдоподобные, что даже самые опытные маги не могли их распознать. Он мог притворяться другом, пока готовил нож для удара в спину.

В его венах текла кровь древних богов, смешанная с тьмой. Он мог превращать плоть в камень, а кости – в оружие. Его прикосновения оставляли следы, которые не заживали веками.

У него был тайный сад, где росли деревья страданий – каждое из них было выращено из боли и отчаяния пленников. Их плоды давали ему силу, способную сокрушить горы.

Велесов владел искусством теневого проникновения – он мог проходить сквозь тени, появляясь там, где его меньше всего ждали. Его шаги были бесшумны, а намерения смертоносны.

В его планах было не просто поражение Артемиуса – он хотел уничтожить весь его род, стереть их имя из памяти мира, сделать так, чтобы даже ветер забыл их существование.

И самое страшное – он был готов заплатить любую цену за свою месть, даже если придётся продать душу самому древнему злу, таящемуся во тьме между мирами.

В один из вечеров магическая Москва утопала в багрянце заката. Богдан Велесов, сын Велесова-старшего, стоял на балконе своего особняка, наблюдая за тем, как солнце медленно опускается за горизонт. Его планы наконец-то начали воплощаться.

Свадьба была роскошной, почти королевской. Его избранница, молодая наследница древнего рода Боримировых, обладала не только красотой, но и силой, о которой он даже не подозревал. В брачную ночь, когда их союз был скреплён не только клятвами, но и древним ритуалом, Богдан почувствовал, как внутри него что-то меняется.

Бессмертие пришло к нему не как дар, а как заслуженная награда за столетия исследований и экспериментов. Теперь он был по-настоящему вечен, защищён от времени и смерти.

Однажды, когда им обоим было по тридцать лет, Богдан встретил Артемиуса Радомирова на одном из светских приёмов, Велесов не смог сдержать насмешку:

– До сих пор один, мой дорогой друг? Время бежит, а твоя женитьба всё не начинается.

Артемиус лишь холодно улыбнулся в ответ:

– Время – понятие относительное, особенно для тех, кто играет с тёмной магией.

– О, я не играю, – протянул Богдан, наслаждаясь моментом. – Я победил его. Теперь я существую вне времени, а ты всё ещё ждёшь свою избранницу.

В его голосе звучала явная издевка. Он знал, что задевает самую больную струну в душе Артемиуса.

– Твоё бессмертие куплено слишком высокой ценой, – ответил оракул. – Ты продал душу за вечность.

– Возможно, – согласился Велесов-младший. – Но я не жалею об этом. В отличие от тебя, я знаю, что такое настоящая сила.

Их разговор был прерван появлением супруги Велесова. Она подошла к мужу, положила руку на его плечо, и в этот момент Артемиус увидел то, чего не замечал раньше: в их союзе была настоящая магия, сила, которой он не мог противостоять.

– Вижу, ты нашёл своё счастье, – произнёс Артемиус, хотя в его голосе не было искренности.

– О, гораздо больше, чем счастье, – ответил Богдан, обнимая жену. – Я нашёл то, что искал всю жизнь. А ты всё ещё блуждаешь в поисках своей судьбы.

Артемиус ушёл, оставив младшего Велесова наедине с его победой. Но в глубине души он понимал, что игра ещё не закончена, и последнее слово лет так через шестьдесят останется за ним.

А Велесов, наблюдая за уходящим оракулом, лишь усмехнулся.

В ту мрачную ночь, когда луна скрылась за грозовыми тучами, а звёзды склонили свои холодные взоры, врата древнего капитула распахнулись сами собой с оглушительным скрежетом, словно сама судьба возвестила о прибытии таинственного гостя. Железные петли, покрытые вековой ржавчиной, заискрились голубым пламенем, а воздух наполнился запахом серы и расплавленного металла.

Из кромешной тьмы явился он – исполинский конь, сотканный из языков багрового пламени. Его могучие копыта, словно молоты судьбы, высекали из каменных плит дорожки расплавленного золота, которое застывало причудливыми узорами древних рун, светящихся призрачным светом. Каждый шаг его оставлял след, похожий на расплавленное сердце, пульсирующее в камне.

Грива его, подобная водопаду жидкого огня, струилась по ветру, не опаляя ни травы, ни камня. Она переливалась всеми оттенками пламени – от нежно-золотого до кроваво-красного,

а в её прядях мерцали искорки, похожие на души павших воинов. Глаза коня пылали, как два угольных костра, в которых отражались не только грядущие битвы, но и все тайны мироздания, все страдания и победы, что ждали участников священных Игр. В их глубине можно было разглядеть тени древних сражений и отголоски грядущих войн.

Безмолвно стоял он в зале капитула, и само его присутствие наполняло воздух запахом горящих благовоний и металла. Его дыхание создавало огненные вихри, которые танцевали между колоннами, а от его тела исходило тепло, заставляющее плавиться даже самые прочные металлы. Один лишь раз ударил он копытом о пол – и звук этот, подобный набату войны, разнёсся по всем уголкам цитадели, пробуждая эхо древних сражений и заставляя дрожать даже самые крепкие стены.

Члены совета, облачённые в мантии, расшитые символами давно забытых богов и защитными рунами, переглянулись в священном трепете. Их пальцы дрожали, перелистывая страницы древнего устава, написанного кровью девственниц и освящённого слезами мучеников. Пока один из старейшин, чей голос дрожал от напряжения, не прочёл вслух заветные строки, высеченные на скрижалях судьбы: «Кто переступил порог капитула – достоин участия, будь то смертный или существо из иных сфер, порождение тьмы или дитя света».

И тогда, склонив головы перед неизбежным, совет капитула принял решение. Таинственный огненный конь был допущен к участию в Играх, ибо даже сами боги не могли противиться древним законам, начертанным на скрижалях судьбы. В тот момент, когда старейшина произнёс последнее слово, пламя вокруг коня вспыхнуло ярче, а в зале раздался шёпот, похожий на тысячи голосов, приветствующих его участие в священных Играх.

Первый противник оказался древним драконом, чья чешуя отражала молнии. Конь, вместо того чтобы вступить в прямое противостояние, закружил вокруг чудовища, создавая вихри пламени. Когда дракон раскрыл пасть для смертоносного выдоха, конь метнулся в сторону, и огненное дыхание монстра лишь опалило своды пещеры.

Второй бой принял облик гигантского тролля, вооружённого дубиной из корней древнего дуба. Конь притворился раненым, заставив тролля преследовать себя по лабиринтам подземелья. В решающий момент он резко остановился, и тролль, не сумев затормозить, сам насадился на острые шипы, выросшие из земли.

Третья битва свела его с ведьмой, способной управлять тенями. Вместо того чтобы сражаться с её тёмными созданиями, конь позволил им окружить себя, а затем, в мгновение ока, превратился в сгусток пламени, сжигая все тени до последней.

Четвёртый противник – горная великанша, чьи кулаки могли сокрушить целые скалы. Конь использовал её же силу против неё, заманив к краю пропасти и заставив ударить по воздуху – великанша потеряла равновесие и рухнула вниз.

Пятый бой принял форму призрачного рыцаря, неуязвимого для обычного оружия. Конь создал из пламени иллюзию своего двойника, заставив призрака атаковать пустоту, пока сам ударил в единственное уязвимое место – стык между доспехами.

Шестой противник – стая гарпий, чьи крики сводили с ума. Конь использовал их же способность к манипуляции звуком, создав такую какофонию, что гарпии потеряли контроль над собой и растерзали друг друга.

Седьмой бой принял облик некроманта, поднимающего армии мертвецов. Конь не стал сражаться с бесчисленной армией, а просто сжёг все источники энергии, питающие мертвецов, оставив некроманта без сил.

Восьмой противник – элементаль земли, способный менять ландшафт по своему желанию. Конь использовал его же способность, создав лабиринт из огненных стен, в котором элементаль запутался и истощил себя.

Девятый бой свел его с демоном, способным читать мысли. Конь создал в своём сознании иллюзию, заставив демона поверить в собственную победу, и в этот момент нанес решающий удар.

Десятый противник – древний вампир, чья сила росла с каждой каплей пролитой крови. Конь использовал собственную пламенную сущность, чтобы лишить вампира возможности питаться, сжигая любую кровь до того, как она могла быть поглощена.

Одиннадцатый бой принял форму колдуна, способного останавливать время. Конь, используя свою связь с пламенем, существовавшим вне времени, просто переждал момент остановки, а затем нанес удар, когда чары спали.

Финальным противником стал древний страж, созданный из чистой магии. Конь не стал сражаться напрямую, а просто поглотил его силу, превратив противника в ещё одно пламя в своей гриве.

После каждого боя зал капитула наполнялся шёпотом восхищения. Никто не мог понять, как простому коню удалось перехитрить столь могущественных существ. Но в этом и заключалась его сила – он не был простым существом. Он был воплощением самой хитрости, мудрости и огня, способным использовать слабости противников против них самих.

В тот мрачный день, когда тени удлинились до самой земли, а воздух пропитался запахом грядущей бури, судьба вновь свела Артемиуса с Велесовым-старшим и его семьей: Богданом, его сыном, Златой, его женой. Капитул собирал мастеров в древнем зале, где своды, словно каменные великаны, давили на плечи каждого присутствующего. Факелы отбрасывали причудливые тени, которые танцевали на стенах, будто призраки прошлого, жаждущие мести.

Велесов явился словно воплощение самой ночи – его мантия была чернее воронова крыла, расшитая серебряными рунами, которые мерцали, словно звёзды в безлунную ночь. Его глаза горели янтарным пламенем, а длинные пальцы с древними татуировками казались когтями хищной птицы, готовой к смертельному удару. Он держался в стороне от остальных, словно ядовитый цветок среди безобидных трав, источая ауру превосходства и угрозы, от которой стыла кровь.

Артемиус почувствовал его присутствие сразу – как чувствует змея приближение охотника. Когда их взгляды встретились, мастер зелий улыбнулся, и эта улыбка была острее любого клинка, холоднее зимнего ветра, пропитанного смертью.

– Юный оракул, – пропел Велесов, приближаясь к Артемиусу. Его голос был сладок, как яд гадюки, и так же смертоносен, как кинжал в темноте. – Слыхал, ты продолжаешь традиции рода Радомировых.

В его словах звенела сталь, а за маской учтивости скрывалась ненависть, подобная ядовитой змее, свернувшейся в ожидании момента для удара. Его дыхание пахло древними травами и смертью, смешанной с ароматом тлена.

– Твой род славится мудростью, – продолжал Велесов, наклоняясь ближе, его дыхание обжигало кожу Артемиуса. – Особенно впечатляет пророчество о моей героической смерти…

Лицо его исказила гримаса, и Артемиус увидел истинное лицо мастера зелий – лицо предателя, скрытое под маской добродетели, готовое обнажить клыки.

В тот миг, когда их взгляды скрестились в смертельной дуэли, Артемиус предстал во всём своём пророческом величии. Его тёмные волосы, словно ночное небо, рассекала серебристая прядь – знак древнего дара, полученного от предков. Один его глаз был чёрным как бездна, в нём таилась сила видеть прошлое, другой – алым, как заходящее солнце, он пронзал завесу будущего.

Вокруг Артемиуса кружили древние свитки, их пергаментные крылья шелестели в воздухе, словно призрачные птицы. Только истинный оракул мог видеть эти послания времён, и каждый свиток хранил в себе тайны, способные сокрушить целые королевства.

В противовес ему Велесов являл собой воплощение ледяной красоты и смертоносной грации. Его волосы были белее первого снега, ни единого тёмного волоска не нарушало эту безупречность. Глаза его, цвета расплавленного золота, источали такую жгучую ненависть, что могли заморозить саму душу.

– О, великий провидец, – прошипел Велесов, его голос сочился ядом. – Как же славен твой род, способный видеть то, что неподвластно другим. Но скажи мне, оракул, почему же все твои пророчества оборачиваются проклятиями?

Артемиус лишь усмехнулся, его губы изогнулись в холодной улыбке:

– Твои страдания – не моя вина, мастер зелий. Ты сам избрал свой путь.

– Избрал? – Велесов сделал шаг вперёд, его мантия зашелестела, словно змеиная чешуя. – Ты посмел играть с моей судьбой, а теперь прячешься за маской невинности?

Свитки вокруг Артемиуса затрепетали, их пергаментные края начали тлеть, источая дым пророчеств.

– Твои амбиции затмили твой разум, Родион. Ты забыл, что даже самый могущественный маг склоняется перед волей судьбы.

– Воля судьбы? – Велесов рассмеялся, его смех был подобен звону погребальных колоколов. – Судьба – это то, что я творю своими руками. А твой дар – лишь насмешка богов над твоим родом.

Их противостояние нарастало, словно гроза над горизонтом. Воздух между ними искрился от напряжения, а тени танцевали в безумном хороводе, предвкушая грядущую битву.

– Ты ошибаешься, – прошептал Артемиус, его голос звучал как звон погребальных колоколов. – Пророчество – это не приговор, а предупреждение. Но ты не услышал его, и теперь пожинаешь плоды своего неверия.

Велесов сжал кулаки, его ногти удлинились, превращаясь в острые когти:

– Мы ещё посмотрим, чья воля окажется сильнее, оракул. Твой дар может видеть будущее, но он не защитит тебя от моей мести.

Свитки вокруг Артемиуса вспыхнули ярким пламенем, их письмена растворились в воздухе, оставив после себя лишь пепел пророчеств. Две силы, две судьбы, два врага замерли в ожидании неизбежного столкновения.

В этот момент воздух в зале словно сгустился, став тягучим, как смола. Тени зашевелились, будто живые существа, а в центре зала начала формироваться странная воронка из мрака.

И вдруг… она появилась.

Танцовщица возникла словно из ниоткуда – воплощение порока и красоты. Её кожа светилась в полумраке, словно отполированный мрамор, а длинные волосы цвета расплавленных каштанов струились по спине, будто жидкий огонь. На ней было одеяние из тончайшего шёлка, который едва прикрывал соблазнительные изгибы тела.

Музыка начала звучать – неземная, чарующая, заставляющая кровь закипать в жилах. Это был танец искушения, танец смерти.

Её движения были плавными, почти гипнотическими. Она кружилась, изгибалась, словно змея, её тело вырисовывало в воздухе узоры, которые оставляли за собой следы из искр. Каждый шаг был наполнен обещанием наслаждения и боли.

В её глазах горел огонь, способный растопить даже самое твёрдое сердце. Она смотрела то на Артемиуса, то на Велесова, словно выбирая, кому подарить свою погибель.

Постепенно танец становился всё более откровенным – она приблизилась к Артемиусу, грациозно опустилась к нему на колени. Её руки начали медленно расстёгивать тонкие

застёжки одеяния, обнажая белоснежную кожу. Когда шёлк соскользнул с её плеч, обнажив грудь, танцовщица взяла руку Артемиуса и положила её туда.

В этот момент что-то холодное и острое пронзило сознание оракула. Он вспомнил о пророчестве, о скором времени его женитьбы, о том, что избранница всё ещё не появилась на его пути. Словно холодный душ, эта мысль привела его в чувство. Он резко отстранился от танцовщицы, его лицо исказила гримаса отвращения.

Танцовщица лишь усмехнулась, её губы изогнулись в хищной улыбке. Она медленно начала одеваться, продолжая свой странный танец. Её движения теперь несли в себе оттенок насмешки, словно она знала какую-то тайну, недоступную остальным.

В воздухе разлился аромат запретных плодов, а тени вокруг неё начали принимать очертания демонов и ангелов. Когда она достигла пика своего танца, её тело окутало синее пламя – не обжигающее, а манящее. Она застыла в финальной позе, раскинув руки, и в этот момент все присутствующие почувствовали, как их воля ускользает, словно песок сквозь пальцы.

Танец закончился так же внезапно, как и начался. Танцовщица исчезла, оставив после себя лишь шлейф из пепла и воспоминаний. А в зале повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием присутствующих.

Артемиус и Велесов переглянулись – в их глазах читалось одинаковое понимание: что-то древнее и могущественное вступило в игру, и исход этой битвы может оказаться куда более кровавым, чем они предполагали.

Оракул всё ещё ощущал тепло её кожи, но теперь к этому примешивалось чувство тревоги и предчувствия надвигающейся беды. Пророчество о женитьбе вдруг обрело новые, тревожные оттенки смысла.

Девяносто четыре года… Цифра, которая казалась невероятной для того, кто внешне почти не изменился. Артемиус всё так же выглядел на свои тридцать – те самые тридцать, когда он впервые встретил таинственную танцовщицу. Его чёрные волосы лишь слегка тронула седина, а в глазах – одном чёрном, видящем прошлое, и одном красном, проникающем в будущее – всё та же пронзительная ясность.

Люди шептались за его спиной, гадая, какой дар или проклятие позволяет ему сохранять молодость. Некоторые подозревали, что он заключил сделку с тёмными силами, другие верили в древнее пророчество, оберегающее его внешность до тех пор, пока не исполнится главное предсказание его жизни.

Но сам Артемиус знал правду: его молодость – это не дар, а проклятие ожидания. Каждый день он был с одним и тем же лицом, в той же физической форме, что и полвека назад, а мир вокруг менялся, старели его друзья, уходили из жизни близкие, а он оставался неподвижной точкой в потоке времени.

В его покоях до сих пор хранились записи о той встрече, о танцовщице, о её танце. Он перечитывал их снова и снова, надеясь найти подсказку, знак, который он упустил. Иногда ему казалось, что она вернётся, что танец повторится, но годы шли, а она не появлялась.

Девяносто четыре года он ждал свою избранницу, предначертанную судьбой. И с каждым годом ожидание становилось всё тяжелее, ведь он видел, как стареют другие, как проходит их жизнь, а его собственное время словно застыло в янтаре вечности.

Иногда он задумывался: может быть, именно в этом и заключается испытание? В способности ждать, сохраняя молодость тела, но теряя годы жизни души? В способности оставаться неизменным внешне, но меняться внутренне, проходя через века одиночества?

И всё же он продолжал ждать. Ждал, когда пророчество исполнится, когда судьба приведёт к нему ту, что станет его спутницей. Его неизменная внешность стала символом этого ожидания – вечным напоминанием о том, что некоторые судьбы не подчиняются обычным законам времени.

Артемиус шагал по извилистым улочкам, мрачный и погруженный в свои мысли. В его памяти всплыл тот день, когда он обнаружил необычные розовые перчатки возле старой красной деревянной двери. Они выглядели так неуместно среди разрухи и пепла, словно последний отголосок давно забытой радости.

Сначала он хотел просто выбросить их – какая польза от перчаток в мире, где правили сталь и магия? Но что-то заставило его остановиться. Может быть, их нежная ткань, или едва уловимый аромат лаванды, или просто странное чувство, что эти перчатки хранят какую-то тайну.

Теперь он иногда надевал их – в те редкие моменты, когда нужно было проявить особую осторожность или когда требовалось что-то спрятать от чужих глаз. Перчатки словно обладали собственной магией – они помогали ему чувствовать себя менее уязвимым, менее заметным. Артемиус даже начал верить, что они приносят удачу, хотя рациональная часть его сознания упорно твердила, что это всего лишь иллюзия.

Обычно он ждал эльфа Элариона, который пытался следить за ним неотступно, но сегодня решил пройтись пешком – свежий воздух должен был прояснить разум после утомительного заседания капитула.

Внезапно его острый взгляд уловил движение впереди. Из-за угла показалась фигура – нет, не фигура, а величественная огненная махина. Красный конь, победитель прошлых Игр, стоял посреди улицы, его пылающая грива освещала тёмные переулки.

– А, последний на белом свете оракул, – прорычал конь, его голос эхом отразился от стен. – Что, решил прогуляться перед сном?

Артемиус остановился, его глаза сузились:

– Я не ожидал встретить тебя здесь. Думал, существо вроде тебя предпочитает более… огненные места. Конь рассмеялся, и от его смеха по земле пробежали языки пламени:

– О, я могу быть где угодно. Особенно там, где пахнет вызовом.

Не успел Артемиус ответить, как конь бросился на него. Пламя окутало его копыта, но оракул был готов. Он увернулся от первого удара, его тело двигалось с поразительной скоростью. На мгновение его руки скользнули к поясу, где хранились те самые розовые перчатки – символ странной находки у красной двери и надели их.

Началась схватка. Артемиус уклонялся от огненных выпадов, контратаковал ударами, которые, казалось, должны были причинить боль даже такому созданию, как огненный конь. Но существо было проворным, его пламя обжигало воздух вокруг.

В разгар битвы Артемиус вдруг почувствовал, как его пальцы закололо – словно перчатки пытались подать сигнал. Он машинально потянулся, и в этот момент произошло нечто странное: когда его рука коснулась пылающей гривы коня, пламя не обожгло кожу, а будто бы узнало что-то знакомое в ткани перчаток.

Бой перешёл в рукопашную. Артемиус схватил коня за пылающую гриву, его пальцы не обжигало пламя – дар оракула защищал его, а может быть, и таинственная сила перчаток. Они кружились в смертельном танце, каждый пытался одолеть другого.

Наконец, оракул нашёл слабое место. Одним точным движением он опрокинул коня на землю. Тот рычал и извивался, но Артемиус держал его железной хваткой, чувствуя, как перчатки слегка пульсируют в его руках.

– Довольно, – произнёс Артемиус, оседлав пылающую спину. – Теперь ты мой.

Конь пытался сбросить наездника, вставал на дыбы, крутился в воздухе, но всё было тщетно. Артемиус держался крепко, его воля была сильнее пламени. Он снял перчатки, которые словно согревали его решимость и положил их обратно в карман.

– Ты недооценил меня, – прошептал оракул коню на ухо. – Теперь мы пойдём туда, куда я скажу.

И в этот момент конь понял – он встретил достойного противника. Его сопротивление ослабло. Пламя коня освещало его нового хозяина, а Артемиус, сидя верхом, чувствовал, как в его жилах течёт сила, способная покорить даже самое непокорное существо. А в кармане тихо лежали розовые перчатки, храня свою тайну.

Конь, тяжело дыша, наконец прекратил свои попытки сбросить наездника. Его огненное дыхание обжигало воздух вокруг, а в глазах читалось уважение к силе и ловкости противника.

– Слушай меня внимательно, оракул, – прорычал он, его голос звучал теперь не так угрожающе. – Родион Велесов опаснее, чем ты думаешь. В его душе таится тьма, древняя и могущественная.

Артемиус лишь усмехнулся, крепче сжимая поводья:

– Ты говоришь о мастере зелий как о каком-то чудовище. Но я вижу его насквозь – гордый, амбициозный, но не более того. Его обида на пророчество – всего лишь травма.

Конь фыркнул, пламя его гривы затрепетало от возмущения:

– Ты ошибаешься, смертный. Родион – не просто мастер зелий. В его жилах течёт кровь древних, а в душе таится сила, о которой ты даже не подозреваешь.

Артемиус покачал головой:

– Мои видения не лгут. Я вижу его судьбу, и пусть она пересекается с моей судьбой, он не навредит мне.

– Ты слишком самоуверен, – прошипел конь. – Твои видения могут быть обманчивы, особенно когда речь идёт о таком мастере иллюзий, как Велесов.

Оракул рассмеялся:

– Довольно предупреждений. Ты проиграл мне честную схватку, и теперь будешь служить моей воле. А что касается Велесова… пусть попробует встать у меня на пути.

Конь вздохнул, его огненное тело слегка поникло:

– Как знаешь, оракул. Но помни мои слова, когда тьма придёт за тобой.

Не ответив, Артемиус пришпорил коня, и они устремились вперёд, оставляя за собой шлейф из искр и пепла. Конь подчинился, но в глубине его пылающей души зародилось предчувствие грядущей бури, в которой самоуверенность оракула может стать его погибелью.

Ночной город расступился перед ними, словно испуганный их появлением. Артемиус и его пылающий скакун неслись по улицам Москвы, оставляя за собой шлейф искр и обжигая мостовую языками пламени. В кармане оракула тихо лежали розовые перчатки, их ткань словно пульсировала в такт бешеной скачке.

Прохожие замирали, разинув рты. Кто-то крестился, кто-то доставал телефон, чтобы запечатлеть невероятное зрелище. Женщины прижимали к себе детей, мужчины в страхе отступали к стенам домов.

По Красной площади они пронеслись как огненный вихрь. Охранники в оцеплении застыли, не в силах пошевелиться, пока пламя лизнуло брусчатку у их ног. Перчатки в кармане Артемиуса слегка нагрелись, будто разделяя его триумф.

На Новом Арбате толпа туристов замерла, открыв рты. Вспышки фотоаппаратов следовали одна за другой, но ни одна камера не смогла уловить истинную суть происходящего – только размытые силуэты и отблески огня. Артемиус, сидя верхом на коне, чувствовал себя повелителем стихий. Его плащ развевался за спиной, словно крылья демона, а в глазах горел огонь не менее яркий, чем у его скакуна.

– Смотри, как они трепещут перед нами! – воскликнул оракул, указывая на толпу. – Вот она, истинная сила!

Конь лишь тихо заржал, его огненная грива развевалась на ветру. Они промчались по узким улочкам Китай-города, всполохи пламени отражались в окнах старинных домов. Где-то залаяли собаки, где-то заплакал ребёнок, но всадник и его скакун не обращали внимания на суету смертных.

На мосту через Москву-реку конь внезапно остановился. Вода под ними забурлила, словно вскипая от жара. Артемиус огляделся: город лежал у его ног, покорный и величественный. В этот момент он машинально коснулся кармана с перчатками – они словно придавали ему дополнительную уверенность.

– Недолго тебе осталось быть таким дерзким, – тихо произнёс конь, но в его голосе прозвучала угроза. – Даже самые сильные падают, когда приходит их час.

Артемиус лишь рассмеялся:

– Посмотрим, кто кого. А теперь – вперёд! Нас ждут новые свершения.

И они устремились дальше, оставляя за собой след из пепла и удивлённых взглядов, которые ещё долго будут передаваться из уст в уста как городская легенда. А в кармане Артемиуса тихо лежали розовые перчатки, храня свою тайну и, возможно, готовясь раскрыть новые секреты в будущем.

С каждым днём Артемиус всё чаще пренебрегал обязанностями перед капитулом. Вместо того чтобы присутствовать на заседаниях и выполнять свои обязанности оракула перед древними Хранителями, он упивался свободой, мчась на спине огненного коня по ночным улицам. Его страсть к полётам на пылающем скакуне затмила разум, превратившись в настоящую одержимость.

Декан капитула, седовласый маг с тяжёлым взглядом, не мог больше терпеть такое поведение. Его терпение лопнуло, когда Артемиус пропустил уже третье заседание подряд. В его кабинете собрались Хранители, их лица выражали недовольство и тревогу.

– Это переходит все границы! – прогремел декан, ударив кулаком по столу. – Наш юный оракул забыл о своих обязанностях!

Было решено действовать. Пока Артемиус наслаждался полётами, декан отправился в родовой замок Радомировых. Древнее поместье, окутанное магией и тайнами, встретило его мрачной тишиной.

Бабушка Ярослава Ильинична, самая старшая из всех ныне живущих магов, встретила гостя в своём кабинете, её глаза, несмотря на возраст, оставались острыми и проницательными. Рядом с ней стоял отец Артемиуса, Андрий – сильный маг, чье лицо выражало беспокойство и прежний оракул Гордей Радомиров, нынешний призрак.

– Что случилось? – спросила Ярослава, её голос звучал как звон стали. – Почему вы пришли без приглашения?

Декан рассказал о поведении внука, о его прогулах, о том, как он пренебрегает своим долгом перед капитулом. Каждое слово, словно удар кинжала, вонзалось в сердца собравшихся.

Лицо Ярославы потемнело. Она всегда гордилась своим родом, его традициями и обязанностями.

– Этого не может быть, – прошептала она. – Мой род не допускает таких ошибок.

Андрий, Ярослава и Гордей переглянулись. В их глазах читалась боль и разочарование. Они знали своего отпрыска лучше других, но даже они не могли предположить, что Артемиус способен на такое пренебрежение долгом.

– Мы должны поговорить с ним, – твёрдо произнёс отец Артемиуса. – Его поведение недопустимо.

Но декан лишь покачал головой:

– Боюсь, разговор не поможет. Нам придётся принять более серьёзные меры. Капитул не может позволить себе иметь оракула, который пренебрегает своими обязанностями.

В воздухе повисло напряжение. Судьба Артемиуса висела на волоске, а он даже не подозревал о том, какие тучи сгущаются над его головой, продолжая свои безумные полёты на спине огненного коня, не думая о последствиях.

Тем временем в замке Радомировых начали готовиться к серьёзному разговору. Будущее юного оракула теперь зависело от того, сможет ли он осознать свою ошибку и вернуться к своим обязанностям, или же его ждёт суровое наказание за пренебрежение долгом перед капитулом.

Конь замедлил бег, его огненные копыта мягко касались мостовой. Артемиус сидел неподвижно, погружённый в свои мысли.

– Скоро начнётся, – пророкотал конь, его голос эхом отразился от стен домов. – Игры на выживание. Каждому из двенадцати магических районов дадут своего монстра.

Артемиус усмехнулся:

– И что с того? Я не боюсь каких-то тварей.

– Дело не в монстрах, – огненный скакун повернул голову, его глаза пылали ярче обычного. – Говорят, победа в этих играх принесёт тебе то, чего ты так долго ждёшь – женитьбу на прекрасной даме.

Оракул резко выпрямился в седле:

– Прекрати смеяться надо мной. Я не вызываю интереса у женщин.

– Ты сам себе создаёшь преграды, – фыркнул конь. – Вспомни ту танцовщицу…

– Та танцовщица была иллюзией, – перебил его Артемиус. – Она появилась лишь раз и исчезла, оставив после себя лишь пепел и воспоминания.

– А что, если это было знаком? – не унимался конь. – Предвестником чего-то большего?

Артемиус покачал головой:

– Я встречал множество женщин, но ни одна не задержалась в моей жизни. Моя судьба – одиночество.

– Ты слишком рано сдаёшься, – в голосе коня прозвучала сталь. – Игры начнутся через три дня. Это твой шанс доказать себе, что пророчество не лжёт.

Оракул молчал, глядя на огни ночного города. В его душе боролись надежда и отчаяние.

– Даже если я выиграю эти игры, – наконец произнёс он, – что это изменит? Я всё так же не умею привлекать женщин.

Конь наклонил голову, его огненная грива коснулась плеча наездника:

– Иногда судьба требует не только силы, но и веры. Помни об этом, когда начнётся охота.

Артемиус вздохнул, его плащ развевался на ветру:

– Три дня… Что ж, у меня есть время подготовиться к очередной неудаче.

Конь не ответил. Он лишь ускорил бег, унося своего хозяина сквозь ночь, где каждый шорох мог оказаться предвестником грядущих испытаний.

Впереди их ждали не только монстры, но и испытания, которые проверят не только силу Артемиуса Радомирова, но и его веру в собственное предназначение.

Артемиус вернулся в Тривинланд, где царила непривычная тишина. Обычно наполненные магией комнаты теперь казались пустыми и холодными. Но его спокойствие было недолгим – в дверях появился декан капитула, его лицо было мрачным, как грозовое небо.

– Я ждал тебя, – произнёс декан, его голос звучал как приговор. – У нас есть срочные новости.

Артемиус напрягся:

– Что случилось?

– Игры на выживание, – декан сделал паузу, наслаждаясь эффектом своих слов. – Они начнутся не через три дня, а завтра на рассвете.

Оракул почувствовал, как земля уходит из-под ног:

– Но это невозможно! У меня нет времени на подготовку…

– Время – роскошь, которой ты не заслуживаешь, – холодно ответил декан. – Твоё пренебрежение обязанностями перед капитулом дорого тебе обойдётся.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Артемиус понимал, что декан прав – его постоянные прогулки на огненном коне и игнорирование обязанностей привели к этому моменту.

– Но как же… – начал было Артемиус, однако декан перебил его:

– Никаких оправданий. Ты получишь стандартное снаряжение и отправишься на арену вместе с остальными. И помни: поражение означает не только твою смерть, но и позор для всего твоего рода.

Артемиус сжал кулаки:

– А что насчёт пророчества? Вы верите, что эти игры приведут меня к избраннице?

Декан усмехнулся:

– Пророчества – это одно, а реальность – совсем другое. Твоя задача – выжить. Остальное – забота богов.

Когда декан ушёл, Артемиус остался один в своих покоях. Завтра наступит слишком быстро, а он совершенно не готов к тому, что его ждёт. В голове крутились мысли о танцовщице, о пророчестве, о том, как всё могло пойти не так, как он планировал.

Внезапно в окно постучали. Это был его огненный конь, прилетевший через крышу.

– У нас мало времени, – прокричал конь. – Нужно составить план.

Артемиус кивнул:

– Да, ты прав. Но как подготовиться за одну ночь к тому, что должно было занять три дня?

Конь наклонил голову:

– Будем импровизировать. В конце концов, иногда именно в хаосе рождаются самые великие победы.

Ночь не обещала быть долгой, а утро должно было стать решающим моментом в судьбе Артемиуса. И он знал, что от этого дня зависит его жизнь.

Ночные часы капали, словно расплавленный воск на пол. Артемиус метался по своим покоям, собирая необходимые артефакты и проверяя зачарованные предметы. Его руки дрожали, но не от страха – от осознания собственной беспечности.

Конь терпеливо ждал снаружи, его огненное дыхание освещало окна дома. Время от времени он протяжно ржал, напоминая о приближающемся рассвете.

– Нам нужно продумать стратегию, – прорычал конь, когда Артемиус наконец вышел на крышу. – Ты знаешь, какой монстр из двенадцати достанется именно тебе?

Артемиус покачал головой:

– Это держится в секрете до самого начала игр, да и свитки говорят, что придется подраться со всеми монстрами сразу, что не должно быть по правилам. Известно только, что каждому району достанется свой уникальный противник.

– Отлично, – саркастически усмехнулся конь. – Просто замечательно. Значит, придётся импровизировать.

Они обсудили возможные тактики, перебрали все известные заклинания и защитные иероглифы. Артемиус активировал древние печати на своём теле, усиливая природную защиту.

К рассвету он был готов настолько, насколько это вообще было возможно. Его темная одежда была пропитана защитными зельями, на поясе висела катана, а от непосвященных прятались свитки с мощными предсказаниями, которые, правда, Радомиров не всегда понимал.

На горизонте показались первые лучи солнца, окрашивая небо в кровавые тона. Артемиус знал – это не просто рассвет, это предвестник битвы.

– Помни, – произнёс конь, – твоя главная сила – это не оружие и не магия. Твоя сила в способности видеть будущее. Используй это преимущество.

Артемиус кивнул:

– Я постараюсь. Но что, если пророчество о женитьбе – всего лишь иллюзия?

Конь наклонился к нему, его огненное дыхание обожгло щёку:

– Даже если это так, ты всё равно должен выжить. Ради себя, ради капитула, ради памяти своего рода.

В этот момент раздался сигнал – начало игр. Артемиус глубоко вздохнул, вскочил на коня, и они устремились к месту сбора.

Впереди их ждали не только монстры, но и испытания, которые проверят не только его силу, но и веру в собственное предназначение. И теперь, когда время ускорилось, каждый миг становился решающим в этой смертельной игре.

Когда они достигли места назначения Артемиус увидел остальных участников, некоторые казались ему знакомыми, но из-за магии скрытности он не мог быть в этом уверенным. Каждый из них выглядел готовым к битве, каждый знал цену поражения. И только он один чувствовал, как неуверенность грызёт его изнутри, словно голодный зверь. Он взял свой номер, 12, и окончательно скрыл себя в потоке игр.

Злата Велесова была женщиной необычайной красоты, в которой природное очарование сочеталось с аристократической утонченностью. Её каштановые волосы с медным отливом ниспадали мягкими волнами почти до талии, а в их прядях, казалось, таилась собственная тайна. Глаза цвета грозового неба обладали удивительной глубиной – в них можно было утонуть, как в бездонных омутах.

Стройная фигура сохраняла грациозность, несмотря на все тяготы жизни в особняке. Она двигалась с особой плавностью, словно каждое её движение было частью древнего танца. Бледная кожа с легким румянцем на щеках свидетельствовала о её благородном происхождении.

В её облике читалась внутренняя сила, хотя сейчас она была скрыта за маской печали. Тонкие черты лица подчеркивали высокий лоб и изящно очерченные губы. В уголках глаз залегли едва заметные морщинки – следы пережитых тревог и бессонных ночей.

Её манера одеваться говорила о хорошем вкусе: простые, но изысканные наряды подчеркивали её статус, но не кричали о нём. В её движениях чувствовалась порода – она держала себя с достоинством, даже когда её сердце было полно тревоги.

В её внешности было что-то неуловимо печальное, словно она хранила в себе знание о вещах, недоступных другим. Лёгкая грусть в уголках губ и нежный взгляд делали её похожей на статую скорбящей нимфы, ожившую в современном мире.

В стенах величественного особняка царила гнетущая тишина. Злата стояла у окна своей спальни, глядя на мрачный город за стеклом. Её некогда сияющие глаза теперь были полны печали и безысходности.

Дни в особняке превратились для неё в бесконечную череду экспериментов и алхимических опытов. Запах зелий пропитал каждый уголок дома, а муж всё глубже погружался в свои исследования, забывая о жене.

Особенно тяготило её положение невестки – жены Богдана. Та, казалось, поглощала всё внимание семьи, высасывая из рода последние силы. Её амбиции росли с каждым днём, а Злата чувствовала, как её собственное влияние в семье тает, словно утренний туман.

Однажды ночью, когда крики из лаборатории мужа разбудили её в очередной раз, она поняла – так больше продолжаться не может. Решение пришло неожиданно: она должна обратиться к Артемиусу, единственному, кто мог бы дать ей ответ на терзающие её вопросы.

На следующее утро Злата отправилась в путь. Её сердце трепетало от тревоги и надежды. Но в доме оракула её ждал холодный приём. Слуга орк сообщил ей печальную новость:

– Господин Артемиус был отправлен на игры на выживание двумя днями раньше положенного срока. Никто не знает, вернётся ли он.

Злата почувствовала, как земля уходит из-под ног. Все её надежды рухнули в одно мгновение. Она вернулась в свой пустой особняк, где её ждали лишь зелья мужа и растущее чувство одиночества.

По дороге домой она не могла не думать о том, какой ценой досталось её мужу бессмертие. Глядя на его вечно молодое лицо, она видела лишь тень того человека, которым он когда-то был. Тёмная магия изменила не только его внешность, но и душу.

Вернувшись в замок, Злата заперлась в своих покоях. Она знала – помощи ждать неоткуда. Ей предстояло либо смириться со своей судьбой, либо найти в себе силы противостоять той тьме, что поглотила её семью.

Но пока она могла лишь молиться, чтобы Артемиус выжил в этих смертельных играх, ведь только он мог дать ей ответы на вопросы, которые терзали её душу.

В древних свитках, хранящихся в тайных хранилищах капитула, была записана история рода Велесова – история, от которой кровь стыла в жилах даже у самых стойких хранителей знаний.

Прародитель рода, Древний Велес, как его называли в летописях, был учеником самого бога-покровителя чародеев. Он первым из смертных осмелился прикоснуться к запретным знаниям трав и минералов, первым заключил сделку с силами, о которых лучше не вспоминать вслух.

Семь поколений его потомков продолжали дело основателя, погружаясь всё глубже в пучину запретных знаний. Они строили алтари в самых тёмных уголках леса, проводили ритуалы, от которых земля содрогалась, а звёзды меняли свой путь на небосводе.

В лето нулевого года от основания капитула пятый по счёту Велес совершил то, что до сих пор вызывает дрожь у хранителей древних знаний. Он продал душу за возможность управлять тенями, но вместо дара получил проклятие – способность видеть только смерть и разрушение.

Тайные архивы хранят свидетельства о том, как представители рода проводили обряды, в которых использовали кровь невинных, пепел сожжённых храмов и слёзы забытых богов. Каждый такой ритуал оставлял неизгладимый след в ткани мироздания, создавая разломы, через которые просачивалась первозданная тьма.

Легенды рассказывают, что в подвалах особняка до сих пор хранятся книги, написанные кровью тех, кто осмелился противостоять роду Велесова. На страницах этих книг запечатлены не только рецепты зелий, но и договоры с силами, которые лучше не тревожить.

Особая страница в истории рода – время Великого Изгнания, когда капитул попытался остановить безумие потомков Древнего Велеса. Но было уже поздно – род настолько глубоко погрузился в пучину запретных знаний, что стал представлять опасность даже для самого капитула.

Богдан Велесов – лишь тень былого величия своего рода, но в его венах течёт та же кровь, что когда-то заставляла содрогаться само мироздание. И кто знает, какие древние силы дремлют в его душе, ожидая момента пробуждения.

Говорят, что в полнолуние, если прислушаться, можно услышать шёпот древних символов, начертанных кровью на стенах родового особняка Велесова. И этот шёпот несёт в себе обещание возвращения былой славы рода – славы, построенной на костях невинных и крови неповинных.

Родион Велесов раскрыл свою истинную сущность. В его лаборатории, освещенной плавающими огнями свечей, началось создание настоящего зелья – зелья сна, способного сломить волю самого стойкого оракула, погружая его в вечный кошмар.

Он собирал ингредиенты в час полнолуния, шепча запретные заклинания, которые заставляли тени корчиться от боли, вырывая крики из их безмолвных глоток. Смешивал кровь с пеплом, добавляя слезы забытых, собранные в криптах забытых богов, где даже смерть боялась ступить. Зелье приобретало цвет звездной пыли, манящий аромат смерти, который мог одурманить даже самых стойких, погружая их в пучину безумия.

Велесов готовился к удару, планируя каждый шаг с точностью хирурга, готовящегося к операции на живой душе, где каждый разрез оставлял неизгладимый след. Его план был коварен, как змеиный укус – незаметный, но смертельный, оставляющий после себя лишь пепел и боль. Каждая деталь его плана была продумана до мелочей, словно паутина, в которой жертва сама запутывается, не замечая ловушек.

В лаборатории царила атмосфера древнего ритуала. Колбы из чёрного хрусталя переливались в свете свечей, отбрасывая зловещие тени на стены, словно когти хищных птиц. Велесов работал методично, словно хирург, готовящийся к операции на живой душе. Его пальцы, украшенные древними рунами, двигались с точностью механизма, созданного самой тьмой.

Каждый ингредиент добавлялся с особой церемонией, сопровождаемой древними заклинаниями, от которых своды лаборатории дрожали, а тени оживали, принимая формы давно забытых существ.

Велесов шептал слова на языке, которого не знал ни один живой человек. Его голос эхом отражался от стен, создавая симфонию смерти и разрушения. Зелье приобретало особую консистенцию – оно становилось живым, пульсировало, словно сердце древнего чудовища.

В воздухе витал аромат разложения и власти. Каждая капля этого зелья несла в себе частицу души мастера, частицу его ненависти и жажды мести. Велесов улыбался, наблюдая, как зелье приобретает нужную консистенцию, как оно становится готовым к использованию.

В его глазах горел огонь триумфа. Он знал, что Артемиус даже не подозревает о надвигающейся опасности. Оракул был уверен в своей правоте, в своей защите, но не знал, что его судьба уже предрешена.

Внезапно Велесов представил, как его когти разрывают плоть Артемиуса, как сердце оракула трепещет в его руках, ещё живое, бьющееся в агонии. Он видел, как кровь его врага окрашивает алтарь, как душа покидает тело, оставляя лишь пустую оболочку.

Тени в лаборатории сгустились, приветствуя рождение нового зла. Велесов был готов к своей игре, и каждый его шаг приближал момент, когда пророчество обернётся кошмаром для всего капитула.

В воздухе витало предчувствие беды. Зелье было готово, и теперь оставалось только дождаться момента, когда оно выполнит свою смертоносную миссию. Велесов знал – победа будет за ним, и цена этой победы будет высока для всех.

Он представил, как будет держать сердце Артемиуса в своих руках, как будет наблюдать за агонией врага, как будет наслаждаться его страданиями. В его воображении оракул корчился в муках, умоляя о пощаде, но Велесов был непреклонен.

Тени вокруг него зашевелились, принимая формы демонов, готовых помочь в осуществлении мести. Лаборатория наполнилась шёпотом древних сил, жаждущих крови и разрушения.

Велесов был готов. Его месть будет сладка, а смерть Артемиуса – мучительна. И никто не сможет его остановить.

глава 4: Экзамены на выживание.

Артём стоял перед красной деревянной дверью на следующий день – уже при свете солнца, но ощущение таинственности не рассеялось. Дверь по-прежнему казалась порталом, границей между мирами. Он внимательно осмотрел ступеньку, где накануне оставил перчатки. Ни следа. Ни ворсинки, ни тени – только гладкий тёмный камень, будто ничего и не было.

«Они прошли сквозь неё», – мысленно подтвердил он, и от этой мысли по спине пробежал холодок, не от страха, а от предвкушения.

Он приложил ладонь к деревянной поверхности. Тёплая. Почти живая. В глубине древесины проступали узоры, напоминающие переплетение корней или вен. Артём прищурился, пытаясь разглядеть детали, но линии тут же расплывались, ускользая от взора.

– Что ты скрываешь? – прошептал он, и эхо его голоса утонуло в тишине переулка.

Мысли сами свернули в прошлое. В сознании вспыхнули обрывки воспоминаний: их долгие беседы у костра, её загадочные притчи о «переходе», книги, которые она давала ему читать – древние фолианты с затёртыми страницами о сущности оракулов.

Бабушка никогда не говорила прямо. Её слова всегда были притчами, загадками, намёками.

«Каждая дверь открывается дважды, – шептала она, помешивая угли в камине. – Первый раз – когда ты её видишь. Второй – когда перестаёшь бояться».

Артём тогда хмурился, не понимая.

«А если она не открывается?» – спрашивал он.

«Значит, ты ещё не готов», – отвечала она с улыбкой, и огонь в её глазах отражался в зрачках Артёма, как в двух маленьких зеркалах.

Она учила его слушать тишину, видеть узоры в случайных пятнах на стене, чувствовать ветер не кожей, а внутренним чутьём.

«Мир говорит с нами знаками, – говорила она. – Но слышат только те, кто умеет молчать».

Однажды она показала ему старую фотографию – размытую, пожелтевшую. На ней была та самая красная дверь, только фон выглядел иначе: не городской переулок, а поле, заросшее маками, которые светились синим пламенем, и небо, окрашенное в багровые тона.

«Это не просто дверь, – сказала бабушка. – Это порог. И однажды ты его перейдёшь».

Артём тогда рассмеялся:

«Я не верю в сказки».

Бабушка лишь покачала головой:

«Ты поверишь, когда придёт время. А пока… просто запоминай».

Сейчас, стоя перед этой самой дверью, Артём понял: время пришло. Или почти пришло.

Он провёл рукой по волосам – привычный нервный жест – и глубоко вдохнул. Воздух пах чем-то древним, как пыль веков, и чем-то новым, как обещание.

«Перчатки были здесь и пропали, – подумал он. – Я должен пойти за ними».

Но войти прямо сейчас он не мог. Не потому, что боялся. Потому, что знал: нужно подготовиться. Нужно собрать мысли, как собирают вещи в долгий путь. Нужно вспомнить всё, чему учила бабушка.

Он отступил на шаг, ещё раз окинув дверь взглядом. Она ждала. Спокойно, терпеливо, как ждёт учитель ученика, который ещё не осознал, что пора начать урок.

– Я вернусь, – тихо произнёс Артём. – Когда буду готов.

Дверь не ответила. Но в глубине её древесины на миг вспыхнул и погас алый блик, будто подмигивающий глаз.

Комната бабушки пахла лекарскими травами и воском – привычный с детства аромат, в котором всегда таилась тихая забота. Артём сидел у кровати, сжимая в руках её холодную ладонь. Свеча на тумбочке дрожала, отбрасывая танцующие тени на стены, увешанные старинными вышитыми рушниками.

– Внучек, – голос бабушки был тихим, но ясным, – слушай меня внимательно. Время моё уходит, а тебе ещё предстоит пройти свой путь.

Артём наклонился ближе, боясь пропустить хоть слово.

– Есть один… мастер зелий. Остерегайся его. Он хитёр, изворотлив и подл. В его руках даже лекарство может стать ядом.

– Бабушка, о ком ты?.. – Артём запнулся, видя, как её глаза наполняются тревогой.

– Он придёт под маской друга, с улыбкой и сладкими речами. Но в его сердце – только расчёт. Не верь ему, Артёмушка. Ни единому слову.

Бабушка вздохнула, и этот вздох показался Артёму слишком тяжёлым. Она потянулась к стакану с водой на тумбочке, где лежали несколько таблеток – предписанные врачом. Дрожащей рукой взяла одну, запила.

– Я так устала… – прошептала она, опускаясь на подушки. – Позови медсестру, ладно?

Артём вскочил, бросился к двери. Когда он вернулся с медсестрой, бабушка уже не дышала. Её лицо было спокойным, будто она просто уснула. Но на губах застыла тень недосказанного предупреждения.

В ту ночь Артём не спал. Он сидел в гостиной, где ещё пахло её любимыми цветами – геранью, и перебирал в памяти последние слова. «Мастер зелий… хитёр, изворотлив, подл…»

На тумбочке остался стакан с водой и оставшиеся таблетки. Артём смотрел на них, и в груди разрасталось недоброе предчувствие. Почему именно сегодня она приняла лекарство? Почему так резко стало хуже?

Он достал телефон, открыл камеру и сфотографировал упаковку. Потом написал сообщение знакомому фармацевту: «Можешь проверить состав? Это принимала бабушка перед смертью».

Ответ пришёл через час: «Некоторые компоненты… странно сочетаются. Есть риск несовместимости. Кто назначил?»

Артём сжал телефон в руке. Врач, который выписывал рецепт, был новым – его порекомендовал сосед, «хороший специалист, проверенный».

В голове всплыли слова бабушки: «В его руках даже лекарство может стать ядом».

На похоронах Артём стоял у могилы, сжимая в кармане ту самую упаковку. Ветер шелестел листьями, словно пытаясь что-то прошептать.

– Она знала, – тихо сказал он себе. – Она предупреждала.

И тогда он понял: это не просто слова умирающей. Это был ключ. Ключ к тому, что ждёт его впереди.

«Мастер зелий» – не миф. Не метафора. Он где-то рядом. И однажды он появится.

Артём посмотрел на небо, где тучи расступались, открывая кусочек звёздного неба.

– Я буду настороже, – прошептал он. – Обещаю.

Осенний Арбат был украшен гирляндами, когда Артём впервые столкнулся с Булатом Семеновичем Васильковым в главном корпусе университета. Преподаватель высшей матема-

тики, известный своей педантичностью и вечными жалобами на пробки на Ленинском проспекте, остановился перед студентом, поправляя очки в толстой оправе.

– Молодой человек, – начал он своим характерным скрипучим голосом, от которого все студенты на кафедре вздрагивали, – не вы ли тот талантливый фотограф с математическим складом ума, чьи работы недавно выставлялись в «Галерее на Пятницкой»?

Артём немного растерялся:

– Э-э, да, это я. А откуда вы знаете?

– Репутация, мой дорогой, репутация, – улыбнулся Васильков, доставая из потрёпанного портфеля стопку исписанных формул. – У меня есть для вас предложение. Хотите писать курсовую под моим руководством? У нас как раз открывается новая тема по теории чисел.

Артём уже собирался отказаться – перспектива дополнительных математических расчётов его не вдохновляла, особенно учитывая загруженность в фотостудии на Никитском бульваре. Но в этот момент из аудитории выскочила Мария, его лучшая подруга с первого курса.

– Артём, ты просто обязан согласиться! – воскликнула она, услышав предложение преподавателя. – Это же отличная возможность улучшить свои знания! К тому же, Булат Семёнович – единственный на факультете, кто реально может объяснить теорию категорий так, чтобы её понял даже гуманитарий.

Вечером, гуляя по Патриаршим прудам, Артём решился сделать то, о чём думал уже давно:

– Мария, я хотел бы…

Она перебила его, улыбаясь:

– Опять твои фотографии? Хочешь, чтобы я попозировала в новом образе на фоне храма Христа Спасителя?

– Нет, – серьёзно ответил Артём, останавливаясь у чугунной ограды. – Я хотел предложить тебе… стать моей девушкой.

Мария замерла, потом рассмеялась, запрокинув голову:

– Ты что, серьёзно? Не пытаешься сделать креативный кадр для своего портфолио?

Артём кивнул, чувствуя, как колотится сердце:

– Абсолютно. Все эти математические формулы и ночные съёмки в Парке Горького – ничто по сравнению с тем, как я себя чувствую рядом с тобой.

Она вдруг стала серьёзной:

– А где те розовые перчатки, которые я тебе подарила?

Артём сделал вид, что не понимает:

– Какие перчатки? Я не помню…

Мария покачала головой, но в её глазах читалась нежность:

– Ладно, давай попробуем. Но только если ты перестанешь забывать про важные детали. И, кстати, я знаю отличное место на Воробьёвых горах для фотосессии.

Странные сны о красных деревянных дверях больше не тревожили его покой. Артём с облегчением вздохнул – теперь можно было сосредоточиться на подготовке к пересдачам.

Подготовка к двенадцати предметам высшей математики началась в его уютной квартире на Ленинском проспекте. Мария помогала с конспектами, а Булат Семёнович присылал дополнительные задачи через университетский портал. Артём понимал: впереди много работы, но теперь он не один.

А розовые перчатки… Возможно, когда-нибудь он догадается что они значили. Но сейчас было не время для загадок – пора было двигаться вперёд, снимать московские закаты на крыше высотки и решать дифференциальные уравнения.

Первое, что бросалось в глаза при встрече с Булатом Семёновичем, – это его благородная осанка. Он держался прямо, словно невидимая нить тянула его вверх, придавая облику особую стать и достоинство.

Его лицо, обрамлённое аккуратно подстриженной седой бородкой и усами, излучало мудрость и спокойствие. В уголках глаз собирались добрые морщинки, появлявшиеся всякий раз, когда он улыбался. А улыбка у него была особенная – немного застенчивая, но искренняя, согревающая собеседника.

На носу поблескивали очки в тонкой металлической оправе. Сквозь стёкла внимательно смотрели проницательные глаза, будто способные заглянуть в самую суть вещей. Когда он читал лекции, то часто сдвигал очки на кончик носа, задумчиво потирая подбородок.

Волосы Булата Семёновича, тронутые сединой, были аккуратно уложены. Они обрамляли высокий лоб учёного, придавая его облику профессорский вид. Сухощавое телосложение и поджарая фигура говорили о врождённой дисциплине и силе духа.

В одежде он придерживался строгого классического стиля. Предпочитал костюмы приглушённых тонов, идеально сидевшие на его фигуре. Белая накрахмаленная рубашка всегда выглядела свежей, а галстук был подобран с особым вкусом. На запястье поблескивали старинные часы на кожаном ремешке – неизменный атрибут его образа.

Когда Булат Семёнович волновался или объяснял сложную теорему, его жесты становились более выразительными. Он размахивал руками, чертил что-то в воздухе, а в минуты задумчивости машинально поправлял очки. В такие моменты в его облике появлялась особая харизма, притягивающая внимание студентов.

Даже в минуты раздражения или недовольства его внешность сохраняла интеллигентность и благородство. А когда он был доволен успехами студентов, его лицо озарялось той самой особенной улыбкой, которая делала его похожим на доброго волшебника из сказки.

В уютной квартире, где Булат Семёнович Васильков жил со своей семьёй, всегда царила особая атмосфера. Каждое воскресенье они устраивали семейные обеды, на которые собирались все близкие. Зоя, жена Булата, была душой их маленького мира – она прекрасно готовила и создавала такую тёплую обстановку, что даже самые серьёзные математические дискуссии превращались в весёлые беседы.

Зоя работала в той же школе, что и её муж, но на другом факультете – она преподавала литературу. Коллеги часто удивлялись, как эти двое, такие разные по характеру и интересам, смогли создать настолько гармоничную пару. Булат обожал свою жену за её способность находить красоту в простых вещах, за её умение поддержать любую беседу и за то, как она вдохновляла его на новые открытия.

По вечерам они часто сидели на их маленькой кухне, где Зоя заваривала ароматный чай, а Булат рассказывал о своих последних открытиях в мире математики. Она не всегда понимала сложные формулы, но всегда слушала с неподдельным интересом, задавала вопросы и искренне радовалась его успехам.

Их дом был наполнен книгами, картинами и фотографиями. На стенах висели снимки с семейных праздников, студенческих конференций и научных форумов. В углу стоял старый рояль, на котором Зоя иногда играла для гостей.

Булат часто говорил своим студентам о важности баланса между работой и личной жизнью, приводя в пример свой брак с Зоей. Он гордился тем, что нашёл не просто жену, а настоящего друга и единомышленника.

А Зоя, в свою очередь, гордилась достижениями мужа, его преданностью науке и тем, как он умел сочетать строгость преподавателя с добротой и пониманием. Она знала все его привычки, могла предугадать его настроение и всегда находила нужные слова поддержки.

Их счастье было тихим, но глубоким, как старое вино, которое с годами становится только лучше. И хотя Булат иногда ворчал на своих студентов и мог быть строгим на занятиях, дома он превращался в самого заботливого мужа, который каждый день доказывал своей Зое, как она для него важна.

Булат Семёнович и Зоя Петровна создали удивительную семью, где каждый день был наполнен любовью и взаимопониманием. Их дом всегда был открыт для гостей, а атмосфера в нём царила особенная – тёплая и душевная.

По выходным они любили устраивать семейные чаепития, где Зоя пекла свои фирменные пироги, а Булат рассказывал увлекательные истории из преподавательской практики. Их сын Миша рос в окружении любви и поддержки, наблюдая за тем, как родители относятся друг к другу с нежностью и уважением.

Булат, несмотря на свой строгий вид преподавателя, дома превращался в заботливого мужа и отца. Он помогал Зое по хозяйству, хотя и не всегда умело, но с душой. Зоя же, будучи преподавателем литературы, привносила в их дом особую эстетику – стены украшали картины, на полках стояли книги, а в вазах всегда были свежие цветы.

Они часто ходили вместе в театр, на выставки, любили гулять по парку. Булат обожал, как Зоя с энтузиазмом обсуждает произведения искусства, а она восхищалась его способностью объяснять сложные математические концепции простым языком.

В их семье было принято каждый вечер собираться за ужином и делиться событиями дня. Зоя умела создать такую атмосферу, где каждый чувствовал себя важным и услышанным. А Булат, несмотря на свою занятость, всегда находил время для семьи.

Они поддерживали друг друга во всех начинаниях. Когда Булат решил написать научный труд, Зоя помогала ему с редактированием. Когда Зоя организовывала литературные вечера в школе, Булат с удовольствием участвовал в них, рассказывая о связи математики и искусства.

Их отношения были примером того, как разные по характеру люди могут создать гармоничный союз, где каждый дополняет другого, где есть место и серьёзным разговорам, и лёгкому юмору, и искренней заботе друг о друге.

В их семье царило особое понимание: каждый шёл своим путём, и это было нормально. У Булата и Зои был сын Миша, который, в отличие от отца, не проявлял особого интереса к точным наукам.

Миша был творческой натурой – любил рисовать, увлекался фотографией и постоянно экспериментировал с разными видами искусства. Но вот с учёбой у него не ладилось: точные науки давались с трудом, а преподаватели часто ставили его в пример как «неуспевающего студента».

Булат, несмотря на свой строгий характер в университете, дома никогда не давил на сына. Он понимал, что не все должны быть математиками, и поддерживал стремление Миши найти себя в творчестве.

– Главное, сынок, – говорил он, – не оценки, а то, что ты действительно любишь. Но и учёбу бросать нельзя.

Зоя, как мудрая мать, находила подход к сыну через искусство. Она помогала ему с гуманитарными предметами, учила видеть красоту в словах и образах.

Когда Миша снова приносил домой плохую оценку по физике, родители не ругали его. Вместо этого они садились вместе и искали способ объяснить материал так, чтобы он был интересен сыну. Иногда это превращалось в настоящие семейные дискуссии, где каждый предлагал свой подход.

Артём, узнав о трудностях Миши, даже предложил ему помощь с математикой, вспоминая свои собственные сложности. И хотя поначалу Миша отнекивался, со временем они стали общаться чаще, и их совместные занятия переросли в настоящую дружбу.

Булат и Зоя верили, что их сын найдёт свой путь. Они не торопили события, позволяя Мише самому определить, чем он хочет заниматься в жизни. И хотя иногда тревога за его успеваемость всё же проскальзывала в их разговорах, они никогда не показывали этого сыну.

В их доме витал дух поддержки и понимания. Родители знали: главное – не оценки в дневнике, а то, каким человеком вырастет их сын, какие ценности он усвоит и как найдёт своё место в жизни.

И хотя до сессии оставалось совсем немного времени, а долгов по учёбе у Миши было немало, в семье царила уверенность: всё обязательно получится. Ведь когда за спиной такая поддержка, любые трудности преодолимы.

Музыка гремела в университетском актовом зале, разноцветные огни прожекторов создавали причудливые узоры на стенах. Артём и Мария кружились в танце, но что-то неуловимо изменилось между ними.

Раньше каждое прикосновение было наполнено теплом и нежностью, а сейчас Мария чувствовала какую-то отчуждённость. В глазах Артёма, казалось, появилась тень, движения стали механическими, словно он танцевал на автопилоте.

Она пыталась поймать его взгляд, но он будто смотрел сквозь неё, где-то далеко. Его улыбка казалась натянутой, а руки держали чуть крепче, чем обычно. Мария понимала, что происходит с ее парнем, но ничего поделать с этим не могла.

У Марии были густые каштановые волосы с медным отливом – в свете прожекторов они переливались, словно полированная бронза. Она то и дело поправляла их, бросая тревожные взгляды на Артёма.

Вечером, лёжа в кровати и листая гороскоп, она наткнулась на предсказание для своего избранника. «Ваш партнёр не тот, кем кажется» – эти слова эхом отозвались в её голове. Она знала, что Артём родился в декабре, и теперь эти слова не давали ей покоя.

«Неужели дар проявляется?» – спрашивала себя Мария, и интуиция подсказывала ей, что это может быть правдой. Она вспомнила недавние странности в поведении Артёма: его внезапные вспышки гнева, скрытность, странные разговоры с самим собой.

В душе разрасталась тревога. Мария не хотела верить в то, что предсказание насчет Артма начинает сбываться, но игнорировать его и делать вид, будто ничего не происходит, становилось всё труднее. Она решила дать Артёму ещё один шанс, но твёрдо решила присмотреться к нему внимательнее.

А музыка всё играла, и пара продолжала танцевать, но между ними уже протянулась невидимая пропасть недоверия и сомнений.

На следующей неделе Мария с особым вниманием выбирала подарок к дню рождения Артёма. Он сказал, что не станет отмечать праздник, и это её только расстроило – она так надеялась увидеть радость в его глазах.

«Если он не хочет праздника, – подумала она, – то хотя бы подарок напомнит ему, как сильно я его люблю».

Артём был фотографом – увлечённым, внимательным к деталям, способным увидеть красоту в самых обычных вещах. Мария знала: он ценит не столько стоимость подарка, сколько его смысл.

После долгих раздумий она остановилась на идее, которая казалась ей одновременно простой и глубокой. Она заказала персональный фотоальбом ручной работы – не обычный склейный том, а настоящее произведение искусства.

Обложка была выполнена из натуральной кожи с тиснением в виде переплетённых ветвей. На первой странице – их совместная фотография, сделанная ещё в начале отношений: они стоят у старого дуба, смеются, а солнце пробивается сквозь листву, создавая игру света и тени.

Но главное – внутри. Мария собрала не просто снимки, а истории:

фото с первой встречи – и рядом короткий рассказ о том, как она тогда волновалась;

кадр, где Артём снимает закат на набережной, – с подписью: «Ты видишь мир иначе, и это завораживает»;

снимок их рук, переплетённых на фоне городского пейзажа, – с фразой: «Я всегда хочу быть рядом».

Каждый лист был оформлен с любовью: она добавила маленькие заметки, засушенные цветы, даже билеты из их совместных поездок. В конце альбома – пустой разворот с надписью: «Наши следующие истории».

Мария упаковала альбом в бархатную коробку, перевязала шёлковой лентой цвета меди – в тон своим волосам.

«Надеюсь, он поймёт, – думала она, укладывая подарок в шкаф. – Это не просто вещь. Это – я. Моя любовь, мои воспоминания, моя надежда».

Но когда наступил день рождения, Артём даже не спросил о подарке. Он ушёл рано утром, вернулся поздно, сказал лишь: «Спасибо, что помнишь». И больше – ни слова.

Мария стояла у окна, глядя, как он уходит, и чувствовала, как в груди растёт тяжесть. Альбом лежал на полке, нетронутый, словно символ её нереализованных надежд.

А в голове снова и снова звучало предсказание: «Ваш партнёр не тот, кем кажется».

Мария стояла у окна своей комнаты, машинально перебирая край занавески. Она пыталась отогнать тревогу, но что-то подсказывало – интуиция не врёт.

Артём в последнее время был словно не здесь: уходил рано, возвращался поздно, отвечал односложно, а когда она пыталась заговорить о чём-то важном, отмахивался: «Не сейчас, Маш».

Сегодня он снова заперся в кабинете – сказал, что нужно «разбрать архивные снимки». Мария хотела принести ему чай, сначала его уведомив об этом но, подойдя к двери, замерла: изнутри доносился голос Артёма – но говорил он не с ней.

Она достала телефон, чтобы записать разговор на диктофон, приникла к двери, стараясь разобрать слова.

– Вижу, ты не ожидал такого, правда? – говорил Артём, и в его голосе звучала непривычная твёрдость, почти угроза. – Думаешь, что знаешь всё об оракулах? О том, на что мы способны?

Пауза. Затем – тихий, неразборчивый ответ невидимого собеседника.

– Пусть это будет вам уроком, – продолжил Артём. – Не стоит недооценивать того, кого вы считаете слабым.

Мария затаила дыхание. Кто с ним говорит? О чём он?

Она потянулась к ручке, но в этот момент телефон выскользнул из ее рук. Звонкий удар о паркет – и аппарат отскочил под шкаф, в узкую щель, куда не дотянуться рукой.

– Чёрт… Наверное, опять менять экран придется – прошептала она, опускаясь на колени.

Она попыталась достать телефон, но он словно… исчез. Она видела место, где он упал, но под шкафом ничего не было. Ни малейшего битого стекла или блеска металла.

– Мария? – голос Артёма раздался прямо за спиной.

Она вздрогнула, резко выпрямилась.

– Ты что тут делаешь? – спросил он, и в глазах мелькнуло что-то холодное, не свойственное ему.

– Телефон… я уронила, – пробормотала она, указывая на щель под шкафом. – Но его нет. Он будто растворился.

Артём посмотрел туда, затем снова на неё. На секунду его лицо исказилось – будто он пытался удержать маску спокойствия, но внутри бушевала буря.

– Наверное, откатился куда-то, – сказал он слишком ровно. – Давай поищем вместе.

Они опустились на пол, заглядывая под мебель. Мария водила рукой по полу, ощупывая каждый сантиметр, но телефона не было. Совсем.

– Странно… – она подняла глаза на Артёма. – Ты правда не видишь его?

Он помедлил, затем покачал головой:

– Нет. Но это не страшно. Завтра пойдем и закажем вместе новый, хорошо?

В его голосе не было тревоги. Ни капли. И это напугало её больше всего.

Позже, лёжа в постели, Мария смотрела в потолок. В ушах всё ещё звучали обрывки разговора Артёма: «о том, на что мы способны», «будет вам уроком», «не стоит недооценивать».

И телефон. Его не было. Она обыскала всю комнату, заглянула во все углы, но он исчез без следа.

«Это не случайность, – подумала она. – Что-то происходит. И Артём… похоже, он действительно становится....».

Она повернулась на бок, глядя на силуэт спящего Артёма. В темноте его лицо казалось чужим – словно маска, скрывающая кого-то другого.

«Кто ты теперь?» – безмолвно спросила она.

Но ответа не было. Только тишина. И чувство, что граница между реальностью и той вселенной вот-вот исчезнет.

Позже, лёжа в постели, Мария размышляла о случившемся. Разговор Артёма, исчезнувший телефон – всё это складывалось в тревожную картину. Она посмотрела на спящего рядом Артёма и вдруг осознала: между их мирами выросла стена.

А в соседнем районе Миша, готовясь к сложной сессии, перелистывал конспекты, оставленные Артёмом. В этих записях он находил не только формулы, но и странные пометки – символы, напоминающие древние иероглифы. Он не понимал их значения, но интуитивно чувствовал: за этой тайной скрывается что-то важное.

Так, не зная того, трое молодых людей оказались на пороге одной и той же тайны – каждый со своей стороны. Миша искал себя в творчестве, Мария пыталась разобраться, кто теперь ее любимый, а Артём балансировал между двумя мирами, всё сильнее запутываясь в паутине собственных отражений.

После занятий в университете Артём и Миша часто встречались в просторном спортзале на Ленинском проспекте. Помещение с высокими потолками и современным оборудованием привлекало студентов со всего района.

Артём обычно занимался на тренажёрах, отводя спорту пару часов после лекций. Миша же предпочитал боксёрскую грушу и силовые тренировки – это помогало ему выплеснуть творческую энергию.

Однажды, когда Мария пришла поддержать Артёма на соревнованиях по армрестлингу, он заметил, как Миша украдкой поглядывает в её сторону. Парень старался быть ненавязчивым, но его заинтересованность была заметна.

Артём напрягся. Ревность острым когтем царапнула сердце.

«Может, я просто параноик?» – думал он, наблюдая, как Миша помогает Марии с техникой на беговой дорожке.

После тренировки, когда они втроём пили протеиновые коктейли в кафе при спортзале, Артём не мог не подметить, как легко и непринуждённо общается Миша с его девушкой. Его

друг явно старался произвести впечатление, рассказывая забавные истории из студенческой жизни и демонстрируя свои художественные работы на телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.